

ЗНАНИЕ

НАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

А.А.МИШИН

БУРЖУАЗНАЯ
ДЕМОКРАТИЯ
И
СОВРЕМЕННАЯ
ИДЕОЛОГИ-
ЧЕСКАЯ
БОРЬБА

НАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРАВОВЫХ ЗНАНИЙ

А. А. МИШИН,

доктор юридических наук

БУРЖУАЗНАЯ
ДЕМОКРАТИЯ
И СОВРЕМЕННАЯ
ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ
БОРЬБА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»
МОСКВА 1972

34M21

M71

Мишин Август Алексеевич

M71 Буржуазная демократия и современная идеологическая борьба. М., «Знание», 1972.

80 стр. Факультет правовых знаний

Вопросы демократии занимают одно из центральных мест в современной идеологической и политической борьбе.

В данной брошюре рассматриваются проблемы, связанные с кризисом буржуазной демократии. Особое внимание уделяется разоблачению буржуазных теорий («плюралистической демократии», «компромиссной демократии», конвергенции и др.), критике советологии, ставящих своей целью восхваление капитализма и подрыв устоев социализма.

Автором использованы работы буржуазных идеологов, новейшие материалы, свидетельствующие о кризисе буржуазной демократии.

Пособие предназначено для слушателей народных университетов. Оно полезно для каждого советского человека, интересующегося вопросами идеологической борьбы.

1—10—4

34 M21

т. п. 1972 г., № 93

ВВЕДЕНИЕ

Одной из основных особенностей нашей эпохи является ослабление экономических, политических и идеологических позиций мировой капиталистической системы, ставшей тормозом прогрессивного развития человечества. Резко обострились классовые противоречия в ведущих капиталистических странах. Рост прибылей капиталистических корпораций сопровождается увеличением армии безработных, подъемом забастовочной борьбы. Впервые со времен экономического кризиса 30-х годов безработица охватила не только промышленных рабочих, но и инженеров, техников, конторских служащих. Только за первую половину 1971 года в забастовках приняли участие более 30 млн. человек. Все чаще пролетариат добивается значительных успехов, заставляя идти монополистическую буржуазию на уступки. Достаточно сказать о победе забастовки 300 тысяч английских шахтеров, в ходе которой консервативное правительство с трудом удержалось у власти. Знаменательным событием для британского рабочего движения явилась инициатива судостроителей Верхнего Клайда, взявших в свои руки управление верфями, которые правительство хотело закрыть. Общенациональные забастовки железнодорожников, связистов, портовиков в США буквально потрясли экономику этой страны. Политика империализма терпит все новые провалы.

Массовые и политические движения сотрясают империалистические государства. В США — негритянское, молодежное, антивоенное, женское движения, в Великобритании — общенациональная борьба против вступления в Общий рынок, против антирабочего законодательства консерваторов, в Италии впервые за годы существования Республики досрочно распущен парламент в результате кризиса демохристианского руководства, во Франции ширится борьба за демократию, за осуществление Правительственной программы коммунистической партии.

Резко обострилась борьба против колониализма и неокOLONIALИЗМА, все большее количество стран встает на путь социалистической ориентации. Правительства таких стран, как Ин-

дия, Шри Ланка, Нигерия, Перу, осуществляют при поддержке трудящихся серьезные демократические преобразования. Терпят провал агрессивные акции империализма и прежде всего Соединенных Штатов Америки. Это свидетельствует о том, что современный империализм, являющийся врагом народов и общественного прогресса, переживает жестокий кризис. В то же время он прилагает все усилия, чтобы закрепить свои позиции, продлить свое существование. «Нет таких преступлений, — говорится в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду КПСС, — на которые не шли бы империалисты, пытаясь сохранить или восстановить свое господство над народами бывших колоний или других стран, вырывающихся из тисков капиталистической эксплуатации. Минувшее пятилетие дало много новых свидетельств этого. Агрессия против арабских государств, попытки вторжения колонизаторов в Гвинею, подрывная деятельность против прогрессивных режимов в Латинской Америке — все это вновь и вновь напоминает о том, что война империализма против свободолюбивых народов не прекращается.

И главное из злодеяний современных колонизаторов, позор Америки — это продолжающаяся агрессия США против народов Вьетнама, Камбоджи, Лаоса»¹.

Грандиозные успехи социалистических стран и прежде всего Советского Союза во всех сферах общественной жизни объективно подрывают позиции капитализма, так как они оказывают возрастающее революционизирующее воздействие на сознание трудящихся масс. Обстоятельства вынудили империализм приспособляться к новой обстановке в мире, к ситуации, порожденной борьбой двух противоположных социально-экономических систем, к требованиям научно-технической революции. Прежний, уверенный в своих силах, капитализм стремился переделать мир по своему образу и подобию, в нынешней обстановке он пытается приспособиться к новым условиям. И хотя историческая обреченность империализма очевидна, это отнюдь не означает, что он утратил способность и волю к упорной борьбе за свое существование. Об этом было сказано на XXIV съезде КПСС: «Попытки империализма повернуть ход истории в свою пользу обречены на провал — в этом у нас нет сомнений. Однако мы, коммунисты, хорошо знаем, что для самоуспокоенности и пассивности нет места. Борцам против капиталистического гнета противостоят последние, но самая мощная из всех существовавших эксплуататорских систем. Поэтому впереди еще трудная и долгая борьба.

Но какой бы трудной ни была эта борьба, она продолжает нарастать, фронт ее неуклонно расширяется. За последние го-

¹ Материалы XXIV съезда КПСС. М., Политиздат, 1971, стр. 16.

ды борцы против империализма вписали новые славные страницы в летопись классовых битв»¹.

Жестокий кризис испытывает вся политическая система империализма и прежде всего буржуазная демократия, которая становится все более обременительной для тяготеющего к откровенной реакции монополистического капитала. Сохранение основ буржуазной демократии в развитых капиталистических странах объясняется не доброй волей правящих кругов, а классовой борьбой пролетариата и всех эксплуатируемых. Монополистическая буржуазия давно бы перешла к откровенно реакционным, террористическим формам и методам осуществления своей классовой диктатуры, если бы ей не противостояли трудящиеся массы, для которых борьба за расширение и развитие демократии сливается в едином революционном потоке с борьбой за социализм.

Марксизм никогда не ограничивался односторонней оценкой буржуазной демократии по принципу «да — да, нет — нет, а что сверх того, то — от лукавого». Марксизм всегда выделял в буржуазной демократии две ее стороны — историческую прогрессивность по сравнению с политическим бесправием средневековья и классовую ограниченность, формализм, лицемерие. В. И. Ленин подчеркивал: «В капиталистическом обществе, при условии наиболее благоприятного развития его, мы имеем более или менее полный демократизм... Но этот демократизм всегда сжат тесными рамками капиталистической эксплуатации и всегда остается поэтому, в сущности, демократизмом для меньшинства, только для имущих классов, только для богатых... Демократия для ничтожного меньшинства, демократия для богатых, — вот каков демократизм капиталистического общества»².

В современную эпоху, на третьем этапе общего кризиса капитализма, все отрицательные стороны буржуазной демократии приобрели особенно откровенный характер в силу открытого перехода монополистического капитала к реакции. Империалистические правительства все чаще и чаще прибегают к террору, к прямой вооруженной расправе с инакомыслящими, открыто нарушают и попирают конституционную и обычную законность, ограничивают буржуазно-демократические права и свободы, вводят чрезвычайное и репрессивное законодательство. Обратимся к фактам... В США за последние несколько лет были расстреляны войсками, национальными гвардейцами и полицией студенческие выступления в Кентском и других университетах, вооруженной силой подавлены негритянские волнения, зверски убиты многие заключенные в тюрьмах, подвергнуты судебной расправе «Чикагская семерка», «Соледад-

¹ Материалы XXIV съезда КПСС, стр. 17.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., том 33, стр. 87—88.

ские братья», Бенджамен Спок, Анджела Дэвис и многие другие борцы за демократию, мир и социализм. Теоретический орган Коммунистической партии США пишет: «...Это было не чем иным, как решением правящего класса утопить в крови движение американских граждан, требующих элементарных гражданских свобод и человеческих прав, которые формально предоставлены всем согласно Конституции США»¹. В то же время с благословения властей бесчинствуют фашистские, расистские и сионистские банды, деятельность которых фактически поощряется полицией и судами.

В Великобритании консервативное правительство принимает антирабочие законы, вводит чрезвычайное положение, развернуло кровавую гражданскую войну против народа Северной Ирландии (Ольстер), борющегося за свободу и человеческие права. В воскресенье, 30 января 1972 года, парашютные войска «ее величества» расстреляли мирную демонстрацию в Лондондерри. 13 человек были убиты, десятки ранены. Это не единичные факты, а повседневная практика империализма.

Не удивительно, что хваленая буржуазная демократия была отвергнута народами стран, освободившихся от колониальной зависимости, так как она вызывает у них слишком печальные ассоциации. Трудящиеся неимпериалистических буржуазных стран все более успешно и решительно ведут борьбу против империализма, за коренные социальные и политические преобразования. Об этом свидетельствуют события в Чили, Перу и ряде других стран.

Стремясь улучшить свои пошатнувшиеся позиции, империализм с особой силой развернул идеологическое наступление по всему фронту. Арена идеологической диверсии империализма включает в себя все сферы человеческой деятельности и осуществляется с применением новейших технических средств. Одним из главных направлений в идеологической борьбе являются вопросы демократии. Об этом было сказано с трибуны XXIV съезда КПСС: «Вопросы демократии, как известно, находятся ныне в центре идеологической и политической борьбы между миром социализма и миром капитализма»².

Империалистическая буржуазия с помощью своих идеологов старается приукрасить свою демократию, наделить ее такими чуждыми ей в действительности чертами, как «народность», «массовость», «прогрессивность» и даже... «революционность». С этой целью создаются и пускаются в оборот различного рода теории — «плюралистическая демократия», «компромиссная демократия», «массовая демократия», «демократия партий» и многие другие. В то же время создаются теории, подвергающие буржуазную демократию односторонней крити-

¹ «Political Affairs», october 1971, p. 2.

² Материалы XXIV съезда КПСС, стр. 82.

ке и исподволь готовящие почву для установления фашистских и иных авторитарных режимов — элитарные теории, теория массового общества и государства, теория плебисцитарной демократии.

Буржуазные ученые стремятся создать такую теорию буржуазной демократии, которую, по их мысли, можно было бы противопоставить подлинно научной теории социалистической демократии. Одновременно они клеветают на социалистическую демократию, извращают ее гуманистическую сущность. Особенно активно этим делом занимается «советология», «кремленология» и некоторые другие специализированные подразделения современного антикоммунизма.

Практика современной революционной борьбы диктует необходимость разоблачения всех проявлений антикоммунизма и в том числе буржуазных, реформистских и сектантских взглядов на буржуазную и социалистическую демократию.

В ходе борьбы с антикоммунизмом решающее значение имеет самая широкая, наступательная пропаганда достижений социалистической демократии в Советском Союзе и других социалистических странах. Эта борьба ведется как по линии пропаганды марксизма-ленинизма и практики социалистического строительства, так и по линии критики и разоблачения буржуазных теорий о демократии и государстве. Обе эти линии борьбы против буржуазной идеологии неотделимы друг от друга. «Марксисты-ленинцы, решительно выступая против буржуазной идеологии, всякого рода ревизионистских взглядов и идей, развивают свое понимание демократии, соответствующее интересам рабочего класса, всех трудящихся. Смысл и содержание социалистической демократии марксисты-ленинцы видят в участии все более широких масс населения в управлении страной, общественными делами, в повышении их активности и инициативы в деле коммунистического строительства»¹.

Коммунистическая партия Советского Союза всегда подчеркивала необходимость активной, наступательной идеологической борьбы против империализма. Это требование особенно актуально в современную эпоху. В Постановлении ноябрьского Пленума ЦК КПСС 1971 года говорится: «Пленум подчеркивает, что в ходе дальнейшей борьбы партии за осуществление внешнеполитической программы XXIV съезда все больше возрастает роль идеологической борьбы на международной арене. Пленум обращает внимание внешнеполитических, идеологических, пропагандистских органов на необходимость повышать уровень и эффективность их деятельности, активно отстаивать интересы нашей страны, интересы социализма, всего коммунистического движения в борьбе против империали-

¹ «Коммунист», 1971, № 9, стр. 10.

стической пропаганды и противников марксизма-ленинизма.

Пленум считает необходимым и впредь решительно вести борьбу с буржуазной идеологией, воспитывать советских людей в духе марксизма-ленинизма, пролетарского интернационализма»¹.

Целью настоящей работы является критика современной буржуазной демократии и методов ее идеологической защиты апологетами капитализма. Эта задача предполагает необходимость критического анализа взглядов на демократию буржуазных теоретиков различных направлений. В то же время в работе показаны и подвергнуты критике клеветнические измышления современной советологии, пытающейся опорочить социалистическую демократию, «породнить» ее с буржуазной демократией.

Глава I. КЛАССОВАЯ СУЩНОСТЬ БУРЖУАЗНОЙ ДЕМОКРАТИИ

Буржуазия, став экономически и политически господствующим классом, всегда прибегала к двум основным методам осуществления государственной власти, которые применялись либо в более или менее чистом виде, либо сочетались. В. И. Ленин писал: «На деле буржуазия во всех странах неизбежно вырабатывает две системы управления, два метода борьбы за свои интересы и отстаивания своего господства, причем эти два метода то сменяют друг друга, то переплетаются вместе в различных сочетаниях. Это, во-первых, метод насилия, метод отказа от всяких уступок рабочему движению, метод поддержки всех старых и отживших учреждений, метод непримиримого отрицания реформ. Такова сущность консервативной политики, которая все больше перестает быть в Западной Европе политикой землевладельческих классов, все больше становится одной из разновидностей общеполитической политики. Второй метод — метод «либерализма», шагов в сторону развития политических прав, в сторону реформ, уступок и т. д.

Буржуазия переходит от одного метода к другому не по злостному расчету отдельных лиц и не по случайности, а в силу коренной противоречивости ее собственного положения»². Это ленинское положение явилось основой для классификации современным марксистским государствоведением буржуазных политических режимов на демократические и авторитарные.

Общая закономерность, определяющая методы осуществления государственной власти буржуазией, состоит в том, что чем слабее буржуазия, чем уже социальная база ее диктатуры,

¹ «Правда», 24 ноября 1971 г.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 67—68.

тем в большей степени она прибегает к прямому насилию и реакции. Современная монополистическая буржуазия, обрушивая на пролетариат град репрессий, стремится в то же время расколоть его изнутри, подкупает рабочую аристократию и бюрократию, заигрывает с ними и лавирует. «В политической области, — говорится в Тезисах ЦК КПСС «К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина», — буржуазия хитроумно сочетает грубые формы подавления масс с новыми средствами и методами подчинения трудящихся своему влиянию. Спекулируя на лозунгах «социального партнерства», «открытого общества», она стремится подчинить рабочие организации, растворить их в псевдодемократической многопартийной системе, призванной скрыть диктатуру империалистических верхов. Наряду с этим монополии, видя неудачу своих расчетов подчинить рабочее движение буржуазному политическому механизму, все чаще обращаются к насильственным методам подавления масс; разрастаются репрессивные органы империалистических государств, вводятся новые антирабочие законы»¹.

Буржуазные идеологи запутали и извратили понятие демократии. То же самое они сделали и с понятием диктатуры, которая, по их мнению, является отрицанием демократии. Они десятилетиями распространяют научно несостоятельную идею о том, что демократия является достоянием капитализма, в то время как в социалистических странах царит диктатура. Лицемерное противопоставление демократии диктатуре есть на деле прямая защита капитализма, клевета на пролетарскую демократию. Свыше 50 лет назад В. И. Ленин вскрыл классовую сущность этого «научного» приема: «Сейчас надо взять главное: великое открытие Каутского о «коренной противоположности» «демократического и диктаторского методов». В этом гвоздь вопроса. В этом вся суть брошюры Каутского. И это — такая чудовищная теоретическая путаница, такое полное отречение от марксизма, что Каутский, надо признать, далеко опередил Бернштейна»².

Диктатура — и это неоднократно подчеркивал В. И. Ленин — есть государственная власть, а демократия — одна из форм государства, один из методов осуществления государственной власти. Демократия и диктатура неотделимы друг от друга в том смысле, что демократия одна, без государственной власти существовать не может. Государственная же власть может осуществляться методами, ничего общего с демократией не имеющими.

¹ К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Тезисы Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. Политиздат, 1970, стр. 38.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 240.

Различные стороны и свойства демократии были изучены и описаны политическими мыслителями буржуазии еще в XVII и XVIII веках, но только марксизм сумел подойти к решению вопроса о демократии с подлинно научных, классовых позиций.

В многочисленных работах В. И. Ленина не только дается строго научное определение демократии, но и вскрыта классовая сущность различных исторических типов демократии, показана принципиальная противоположность демократии буржуазной и демократии социалистической, определены их исторические судьбы.

Заслуга марксизма, и прежде всего В. И. Ленина, состоит в установлении классового характера любой государственной демократии. Политическая демократия не может быть не чем иным, как конкретной классовой исторической категорией. Марксизм впервые доказал, что нет и не было демократии вообще, чистой демократии, что существовали и существуют лишь исторические типы демократии (рабовладельческая, феодальная, буржуазная, социалистическая), которые неизбежно сменяют друг друга. Марксизм доказал, что демократия есть одна из форм государства, а не абстрактное народовластие или абстрактное правление большинства. Правящее большинство всегда исторически и социально конкретно — это большинство данного господствующего класса. В. И. Ленин подчеркивал: «Нет. Демократия *не* тождественна с подчинением меньшинства большинству. Демократия есть признающее подчинение меньшинства большинству *государство*, т. е. организация для систематического *насилия* одного класса над другим, одной части населения над другою»¹.

Демократия всегда классовая, так как она представляет собой орудие одного класса для подавления его классовых противников. Эксплуататорские государства применяют различные методы и формы властвования, при которых сам господствующий класс по-разному принимает участие в осуществлении государственной власти. Буржуазно-демократическое правление возможно лишь тогда, когда капиталистический общественно-экономический строй пользуется активной или пассивной поддержкой основной массы населения страны, когда он опирается на относительно широкую социальную базу. Однако воля буржуазии в подлинном смысле слова никогда не может быть тождественна воле эксплуатируемых, хотя она и вынуждена считаться с их требованиями. «Правящее большинство» в условиях буржуазной демократии является всегда лишь большинством самого господствующего класса — буржуазии, которая правит, руководствуясь собственными интересами, но от имени народа. В. И. Ленин вскрыл сущность этого явления. Он говорил: «Если политическая

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 83.

власть в государстве находится в руках такого класса, интересы коего совпадают с интересами большинства, тогда управление государством действительно согласно воле большинства возможно. Если же политическая власть находится в руках класса, интересы коего с интересами большинства расходятся, тогда всякое правление по большинству неизбежно превращается в обман или подавление этого большинства. Всякая буржуазная республика показывает нам сотни и тысячи примеров этого»¹. Классово ограниченный, формальный и лицемерный характер буржуазной демократии состоит в том, что она представляет собой демократию для меньшинства эксплуататоров против большинства эксплуатируемых. Никакое формальное равноправие не в состоянии скрыть фактического неравенства между капиталистом и рабочим. Так, доходы 100 тысяч американских миллионеров составили в 1967 г. около 45 миллиардов долларов, т. е. приблизительно столько же, сколько заработали все фабрично-заводские рабочие США. «Классовое неравенство приняло в США поистине гигантские размеры. Капиталистическая Америка предстает... как социальная пирамида, на вершине которой — 1,6% населения с третью национального богатства страны, а у основания — половина населения с 6% национального богатства»². Углубляющаяся пропасть между богатством и бедностью — неизбежный спутник любой буржуазной демократии.

Государственная власть при буржуазной демократии осуществляется по воле большинства класса буржуазии. Пролетариат и другие эксплуатируемые элементы общества допускаются лишь к участию в выборах с известными формальными и фактическими ограничениями, но они полностью отстранены от участия в процессе государственного руководства обществом. При самой широкой и последовательной буржуазной демократии пролетариат остается объектом государственной власти — им управляют, его подавляют в интересах капитала. Но нельзя забывать и того, что буржуазная демократия в отличие от реакционных буржуазных политических режимов дает пролетариату легальные возможности бороться за улучшение своего положения с помощью создаваемых им организаций классового сопротивления. Буржуазная демократия, таким образом, дает возможность пролетариату оформиться в самостоятельную политическую силу. «Только борьба воспитывает эксплуатируемый класс, только борьба открывает ему меру его сил, расширяет его кругозор... проясняет его ум, выковывает его волю»³.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 38—39.

² «США: от «великого» к больному...». М., Политиздат, 1972.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 314.

Современные буржуазные общественные науки, уделяя огромное внимание проблеме демократии, не могли дать подлинно научного ее определения. Основным пороком всех их построений и концепций являются идеалистичность, схоластика, лицемерие и откровенный или завуалированный антикоммунизм. Буржуазные ученые не только идеализируют буржуазную демократию, но и скрывают ее классовую сущность.

Вот одно из типичных определений подобного рода, вышедшее из-под пера четырех американских профессоров: «Демократия представляет каждому индивидууму максимум свободы иметь и выражать собственные взгляды, добиваться собственных целей и наслаждаться их результатами, которые всегда сугубо индивидуальны и меняются от человека к человеку. Это прекрасно иллюстрируется тем, как люди зарабатывают себе на жизнь в демократическом обществе. Некоторые занимаются бизнесом и беспокоятся об акциях, ценных бумагах, о поддержании прибылей на высоком уровне. Другие становятся рабочими, которые в поисках высокой заработной платы приходят к убеждению, что большая часть заработанного должна идти на заработную плату, а не на дивиденды. Наконец, третьи занимаются фермерством, и их интересы часто приходят в острое противоречие как с бизнесменами, так и с рабочими»¹.

В этом определении или описании западной демократии последовательно, откровенно и примитивно выражена доктрина крайнего индивидуализма. Мысль авторов сводится к тому, что человек может стать кем угодно — предпринимателем, рабочим, фермером, но при этом он может рассчитывать только на свои силы. Американские авторы умалчивают о том, почему миллионы граждан этой страны «пожелали» быть безработными, а не капиталистами и крупными фермерами. В этом определении нет ни слова о социальном неравенстве, засилии монополий, военно-промышленном комплексе, расовой дискриминации, сегрегации и т. д.

Известный американский социолог Сеймур М. Липсет пишет: «Демократия в сложном обществе может быть определена как такая политическая система, которая предоставляет регулярные конституционные возможности для замены правительственных чиновников, а также социальный механизм, который позволяет возможно большей части населения оказывать влияние на принятие важнейших решений посредством отбора кандидатов на политические должности»². Чисто академическое определение демократии С. Липсета не страдает дешевой апологетикой, но и в нем нет ни слова о классах. Любопытно лишь содержащееся в нем признание, что «возможно

¹ R. Carr, M. Bernstein, D. Morrison, Y. Mc Lean. *American Democracy in Theory and Practice*, N. Y., 1959, p. 27.

² Seymour Martin Lipset. *Political Man*, N. Y., 1960, p. 45.

большая часть населения» оказывает влияние на политику посредством отбора кандидатов. Полезно напомнить формулу К. Маркса о том, что при всеобщем избирательном праве (и парламентаризме) народу предоставляется возможность раз в несколько лет решать, какой член господствующего класса будет представлять и подавлять народ в парламенте.

Многие западные авторы на словах признают наличие классов и классовых различий, но, тем не менее, отрицают классовую борьбу при анализе деятельности буржуазных политических систем и буржуазной демократии. Представляет интерес следующее рассуждение на эту тему видного британского государствоведа и политолога сэра Айвора Дженнингса: «Великобритания — маленький остров с весьма однородным населением. Мало кто думает о себе, как об англичанине, шотландце или уэльсце. Острота национальных противоречий давно исчезла в ходе религиозных распрей. Население настолько тесно взаимосвязано, что почти полностью отсутствуют экономические противоречия на региональной основе... Есть классовые различия и (что чаще всего одно и то же) экономические различия, но они не широки и не глубоки. Мы представляем собой тесно связанный экономический союз с огромным числом общих интересов и длительной патриотической традицией. Следовательно, вопросы, по которым выражается согласие, несравненно более многочисленны и важны, чем те вопросы, по которым выражается несогласие. Таким образом, всегда имеется единое общественное мнение и согласие в отношении принципов, а расхождения в большей степени касаются методов, чем целей»¹. Нарисованная Айвором Дженнингсом картина британской демократии и для своего времени была в лучшем случае слишком розовой, сейчас же она выглядит как откровенное издевательство над действительностью. Кровавая драма в Ольстере, террор против католико-ирландцев, ожесточеннейшая забастовочная борьба, концентрационные лагеря и бесчинства военщины, попрания прав парламента — вот черты современной английской буржуазной демократии. Газета английских рабочих «Морнинг Стар» пишет, что консервативное правительство Э. Хита — общий враг. В передовой о парламентских дебатах говорится: «Мистер Хит организует широкое наступление против демократических прав. Закон о Северной Ирландии, который он протолкнул через парламент, дал режиму юнионистов чрезвычайные полномочия... Закон о промышленных отношениях, вступивший в силу в феврале, имеет своей целью уничтожить права и свободы профсоюзов... Мистер Хит после поражения, нанесенного ему шахтерами, продолжает угрожать новыми атаками на демократию... Хит

¹ Sir Ivor Jennings, *The British Constitution*, Cambridge, 1961, p. 8.

является угрозой демократии. Его нужно убрать вместе с его правительством»¹.

Довольно широкое распространение получили чисто описательные определения демократии, в большинстве которых абсолютизируются формальные свободы и превозносятся буржуазные выборы. Типичный пример такого определения содержится в «Словаре американской политики», изданном сенатором Юджином Маккарти (не путать с покойным сенатором Джозефом Маккарти). Демократия, пишет Ю. Маккарти, это «философия социальной и политической организации, которая предоставляет индивидууму максимум свободы и максимум ответственности. Вообще демократия предполагает наличие институтов, посредством которых индивидуумы, по крайней мере, периодически получают возможность осуществить выбор в отношении лидеров, политических программ и курсов»². Так пишут буржуазные идеологи, а на деле ни в одной буржуазной стране, особенно в США, избиратель не имеет реального выбора, так как, во-первых, к нему обращаются только раз в несколько лет — и тогда он голосует за кандидатов, которых он не выдвигал, и, во-вторых, политические программы, с которыми перед избирателем выступают буржуазные кандидаты, никогда не выполняются — они носят чисто пропагандистский характер. Подлинные решения принимаются в тех органах буржуазного государства, влияния на деятельность которых избиратель оказать не может. Решение о посылке американских войск во Вьетнам принималось помимо воли американского народа и без его участия, но по формуле сенатора Ю. Маккарти выходит, что избиратель «осуществил выбор». Как показывают опросы общественного мнения, сейчас свыше 70% американцев требуют прекращения войны во Вьетнаме и возвращения солдат домой. Однако президент с волей народа не считается, и американские солдаты продолжают грязную войну. Незадолго до своей поездки в Пекин Р. Никсон отдал приказ о возобновлении варварских бомбардировок ДРВ — американский народ узнает об этом из газет. Правительство США поощряло военного диктатора Пакистана генерала Яхья Хана, который развязал кровавую бойню в Восточном Пакистане, унесшую три миллиона жизней. Оно открыто выступило против народа Индии, против национально-освободительного движения в Бангладеш. Все это было сделано втайне от американского народа, который узнал правду о политике администрации Р. Никсона в Южной Азии из секретных документов Белого дома, опубликованных журналистом Д. Андерсоном. Пентагон расходует сотни миллиар-

¹ «Morning Star», march 2, 1972.

² Eugene J. Mc Carthy, Dictionary of American Politics. N. Y. L., 1968. p. 41.

дов долларов на военные авантюры и гонку вооружений (на 1973 финансовый год он запросил 83,4 млрд. долл.), в то время как, по данным бывшего министра юстиции Рамзея Кларка, 40 миллионов американцев живут в условиях, «где царят бедность и сопутствующие ей явления: болезни, неграмотность, безработица, отвратительные окружающие условия, безнадёжность.., где находятся старые, зловонные и непригодные для жизни дома, где у людей нет никаких прав»¹.

В основе идеализированных моделей буржуазной демократии лежит старая концепция о правящем буржуазном большинстве и неразрывно связанном с ним лояльном оппозиционном меньшинстве, которое рассматривается как резервное правительство, заменяющее правящую партию в случае провала ее политики. Правящее буржуазное большинство и лояльное оппозиционное меньшинство преследует одинаковые экономические и политические цели, но расходятся в выборе средств для их достижения. Речь идет, таким образом, о демократии для самого господствующего класса, о свободе мнений и подходов в рамках буржуазной идеологии. Лояльная оппозиция, согласно этой концепции, никогда не посягнет на самое главное и существенное — общественно-экономический строй, основанный на эксплуатации человека человеком, и государственную машину буржуазии. Примечательную оценку нынешней оппозиционной лейбористской партии дает в своем письме один из читателей газеты «Морнинг Стар»: «Лейбористская партия не имеет «будущего», ибо, как партия, представляющая рабочих, она не имеет настоящего, а только великое реформистское прошлое. Давайте не будем смешивать радикальную традицию с нынешним бессилием и классовым предательством. Лейбористская партия желает более успешно проводить капиталистическую политику, чем это делают консерваторы. И это объясняется не только «правым руководством», это выражает саму сущность партии»².

Борьба мнений в рамках правящего класса вполне естественна, так как сам господствующий класс неоднороден, а буржуазное государство, обладающее относительной самостоятельностью, вовсе не должно выражать интересы всех без исключения собственников. Лояльная буржуазная оппозиция даже в том случае, когда эту роль играют социал-демократические партии, не представляет реальной альтернативы капиталистической системе. На это способен только пролетариат, руководимый коммунистической партией.

Буржуазное государство и право имеют своей целью защиту наиболее общих, основных интересов господствующего класса. Поэтому они неизбежно ограничивают и ущемляют отдельных его представителей, чьи интересы при определен-

¹ «США: экономика, политика, идеология». 1972, № 3, стр. 108.

² «Morning Star», august 4, 1971.

ных условиях могут прийти в противоречие с интересами большинства класса буржуазии. Так, буржуазия заинтересована в охране окружающей среды от отравления продуктами производства, но конкретный капиталист, ставший «жертвой» законодательства по охране природы, будет драться против него, не жалея средств. Этим объясняется острая конкурентная борьба различных группировок буржуазии не только в сфере экономики, но и политики. «Большинство» и «меньшинство», непрестанно конфликтующие и попеременно сменяющие друг друга у кормила государственной власти, являются на деле всего лишь двумя фракциями одного и того же господствующего класса — буржуазии. При буржуазной демократии подобная конкурентная борьба в сфере политики не может привести к каким-либо серьезным социально-экономическим последствиям, поскольку вне зависимости от ее исхода государственная власть остается в руках того же самого господствующего класса. Попытка свести суть буржуазной демократии к взаимоотношениям «большинства» и «меньшинства» означает желание скрыть ее эксплуататорский характер. Критикуя подобного рода рассуждения К. Каутского, В. И. Ленин писал: «Можно рассуждать по-марксистски, социалистически; тогда надо взять за основу отношение эксплуатируемых к эксплуататорам. Можно рассуждать по-либеральному, буржуазно-демократически; тогда надо взять за основу отношение большинства к меньшинству.

Если рассуждать по-марксистски, то приходится сказать: эксплуататоры неминуемо превращают государство (а речь идет о демократии, то есть об одной из форм государства) в орудие господства своего класса, эксплуататоров, над эксплуатируемыми. Поэтому и демократическое государство, пока есть эксплуататоры, господствующие над большинством эксплуатируемых, неизбежно будет демократией для эксплуататоров»¹.

Управление государством при буржуазно-демократическом политическом режиме осуществляется по воле большинства господствующего класса, которая выдается за волю народа. Эта иллюзия имеет достаточно широкое распространение в буржуазных странах, поскольку участие в избирательной борьбе большинства взрослого населения страны создает видимость того, что победившая на выборах буржуазная партия получает полномочие на формирование правительства по воле большинства избирательного корпуса². Гигантская агитационно-пропагандистская машина буржуазии прилагает титанические усилия для того, чтобы поддерживать и культивировать эту иллюзию в умах простых людей. Сохраняя демок-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 259—260.

² Избирательный корпус — это совокупность политически правоспособных граждан (подданных), имеющих право принимать участие в выборах.

ратию для себя, монополистическая буржуазия во все возрастающей степени лишает демократии массы. Это признают даже некоторые буржуазные ученые, критические высказывания которых имеют для нас особую ценность, так как они исходят из лагеря противника. На необходимость этого неоднократно указывал В. И. Ленин. «Чтобы дать читателю возможно более обоснованное представление об империализме, мы намеренно старались приводить как можно больше отзывов *буржуазных* экономистов, вынужденных признавать особенно бесспорно установленные факты новейшей экономики капитализма»¹. Так, профессор Харви Уилер, исследуя процесс концентрации власти в США, приходит к следующему выводу: «Все это означает, что традиционная форма американского демократического руководства изжила себя. Принятие решений народом стало невозможным, однако получение народного согласия остается обязательным. Демократия полностью вытолкнута из сферы решения конкретных политических вопросов, из массы народа. Единственное место, где она еще продолжает применяться, — это отношение между народом и его высшими должностными лицами. Люди и их лидеры боролись за новые методы взаимного сближения. Из их совместной борьбы произросла новая форма плебисцитарного президентского руководства»². Следует добавить к этому рассуждению лишь то, что под «новой формой плебисцитарного президентского руководства» понимается фактически личная диктатура президента, власть которого не контролируется ни конгрессом, ни верховным судом, ни партией, ни общественным мнением. Откровенное игнорирование воли избирателей, махинации на выборах, подкуп, господство двух партий крупного капитала — все это породило такое уродливое явление американской политической жизни, как абсентеизм. Миллионы американцев, имеющих право голоса, отказываются от участия в выборах. Около 40% избирательного корпуса игнорирует президентские выборы, еще выше показатель пассивности на выборах в конгресс. В ходе семи послевоенных президентских кампаний почти 290 миллионов американских избирателей предпочли в день выборов не явиться на избирательные участки.

Марксистско-ленинское государствоведение, исследуя буржуазную демократию, выделяет три ее существенные стороны.

Во-первых, буржуазная демократия представляет собой определенную форму государства, так как правление по воле большинства господствующего класса предполагает наличие

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 387.

² Harvey Wheeler, *Democracy in a Revolutionary Era*, N. Y. Wash, London, 1968, p. 27.

учреждений, с помощью которых эта воля формулируется в виде законов и осуществляется. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал эту важнейшую сторону демократии. «Демократия есть форма государства, одна из его разновидностей. И, следовательно, она представляет из себя, как и всякое государство, организованное, систематическое применение насилия к людям»¹.

Первоначальная государственная форма демократии — непосредственная (или прямая) демократия, зародившаяся в античных городах-государствах, не знала представительных учреждений, так как все вопросы управления государством решались непосредственно всеми свободными гражданами в народном собрании. В настоящее время непосредственная демократия в общегосударственных масштабах не применяется в странах капитала. Она сохраняется как форма управления лишь в трех кантонах Швейцарии, жители которых ежегодно собираются на народные собрания.

В некоторых буржуазных странах (США, Италии, Франции, Швейцарии) применяются отдельные институты непосредственной демократии, такие, как референдум, плебисцит, народная инициатива, но наличие этих институтов никак не меняет представительного характера современной буржуазной демократии. Более того, следует иметь в виду, что референдум часто используется реакционными политическими режимами (Португалия, Испания, Греция) как средство обхода парламента. Оценивая с точки зрения классовых интересов пролетариата буржуазные референдумы, В. И. Ленин подчеркивал, что они «ставили своей задачей объединить волю всей нации и создать возможность дружно жить волкам и овцам, эксплуататорам и эксплуатируемым»². Только при социалистической демократии референдум может играть роль подлинно демократического института, выражающего волю народа.

Практика государственного строительства в СССР и зарубежных социалистических странах создает широкие возможности для применения институтов непосредственной демократии.

Современная буржуазная демократия, как уже отмечалось, является по форме представительной. Это означает, что воля господствующего класса в центре и на местах (в соответствующих административно-территориальных единицах — провинциях, департаментах, префектурах, общинах и т. д.) формируется и выражается центральными (парламенты, учредительные собрания) и местными (муниципалитеты) представительными учреждениями. В отличие от других

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 33, стр. 100.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 35, стр. 307.

звеньев государственного механизма буржуазии представительные учреждения обладают следующими обязательными качествами.

1. Выборность. Представительное учреждение заслуживает своего названия только в том случае, если оно формируется посредством выборов, к участию в которых допущено все взрослое население страны. Наличие цензового избирательного права (лишение права голоса неимущих, женщин, неграмотных, молодежи) лишает парламенты и муниципалитеты представительного характера. В эпоху промышленного капитализма активным избирательным правом пользовались только мужчины — собственники. В ходе многолетней борьбы пролетариат и его классовые союзники добились существенной демократизации избирательного права, которое стало всеобщим в буржуазном смысле слова. В настоящее время в большинстве буржуазных стран нет прямого имущественного ценза (для парламентских выборов), почти везде (включая Швейцарию) получили право голоса женщины, в ряде стран (США, Великобритания, Финляндия) сокращен возрастной ценз. Все это привело к существенному расширению избирательного корпуса. Достаточно сказать, что снижение избирательного возраста с 21 года до 18 лет увеличило количество избирателей в США на 12 миллионов человек. Однако буржуазия до сих пор располагает богатым арсеналом средств, позволяющим ей лишать значительную часть населения избирательных прав (ценз оседлости, лишение избирательных прав военнослужащих, лиц, находящихся на государственном обеспечении, и т. д.). Главными орудиями фальсификации воли избирателей в наше время являются средства идеологического воздействия и манипулирование избирательными системами, т. е. способами определения результатов голосования.

2. Коллегиальность. Представительное учреждение должно быть достаточно многочисленным (коллегиальным) для того, чтобы его социальный и партийный состав мог соответствовать национальной, возрастной структуре общества.

Анализ последних парламентских выборов во Франции (1968 год) показывает, что для избрания одного депутата национального собрания — коммуниста потребовалось 135 000 голосов, а депутату правящей буржуазной партии — Союз демократов в защиту республики (ЮДР) достаточно было 27 000 голосов. Норма представительства рабочего класса была занижена в пять раз посредством «особой» системы «нарезки» избирательных округов. Огромную роль играют деньги, которыми монополии щедро обеспечивают своих кандидатов. Одиннадцать богатейших семейств США — Дюпоны, Филды, Форды, Гарриманы, Леманы, Меллоны, Олины, Пьюи, Рокфеллеры, Вандербильты и Уитни — истратили на избирательную кампанию 1968 г. 3 131 136 долларов. Расходы (учтенные) на избирательные кампании в 1964 и 1968 гг.

составили соответственно 200 и 300 млн. долларов, в 1972 г. ожидается сумма в 400 млн. долларов. Американский журнал «Ньюзвик» пишет: «Отношения между деньгами и политикой настолько органичны, что любая попытка реформы в этом отношении равносильна предложению хирургу сделать операцию сердца на самом себе»¹

3. Нормоустанавливающая деятельность. Представительное учреждение в пределах установленной для него конституцией компетенции имеет право принимать нормативные акты (законы, постановления, решения и т. д.), исполнение которых обязательно для всех граждан, юридических лиц, общественных организаций и государственных органов в пределах соответствующей территории. Парламентские законы применяются на всей территории страны, акты муниципалитетов — в пределах соответствующей административно-территориальной единицы. Утрата представительным учреждением права осуществления нормоустанавливающей деятельности, низводит его до положения пустой говорильни. Именно это и происходит с буржуазными парламентами и муниципалитетами.

Буржуазные представительные учреждения по букве конституции имеют право лишь принимать законы, но не участвуют в их исполнении. Этим они даже формально отличаются от социалистических представительных учреждений, которые являются работающими корпорациями — законодательствующими и применяющими законы на практике. Первым таким представительным учреждением нового типа была Парижская коммуна, затем В. И. Лениным были открыты Советы, как государственная форма диктатуры пролетариата. Этими же качествами обладают представительные учреждения других социалистических стран. В. И. Ленин в работе «Государство и революция» указывал, что выход из буржуазного парламентаризма, с его формальным разделением труда законодательного и исполнительного при привилегированном положении депутатов, состоит не в уничтожении представительных учреждений и выборности, а в превращении их в работающие корпорации, одновременно законодательствующие и применяющие законы².

Применение законов и иных нормативных актов, т. е. фактическое осуществление власти, как принуждения, в условиях буржуазной демократии возлагается на государственный аппарат в собственном смысле слова, а таковым прежде всего являются гражданская бюрократия, суды, армия, жандармерия, полиция, разведка. С особой силой звучат в наше время слова В. И. Ленина о том, что при капитализме «самые важные вопросы: война, мир, дипломатические вопросы решаются

¹ «Newsweek», december 13, 1971, p. 27.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 46.

ничтожной горсткой капиталистов, которые обманывают не только массы, но даже часто обманывают и парламент»¹.

Наконец, представительные учреждения должны по конституции наделяться **функцией представительности**, а сам господствующий класс должен хотя бы формально относиться к ним, как к таковым.

В период промышленного капитализма специфической формой правления, присущей демократии, была республика (демократическая республика), монархия же являлась антиподом демократии. В дальнейшем, по мере перерастания капитализма в империализм, эти принципиальные различия между республиканской и монархической формами правления исчезли. В современную эпоху буржуазная демократия может иметь своей государственной формой как республику (США, Франция, Италия, Швейцария, Австрия), так и монархию (Великобритания, Швеция, Норвегия, Дания, Голландия, Бельгия, Австралия, Канада, Япония). Более того, фашизм, приход которого к власти означает полное уничтожение буржуазной демократии, легко уживается в республиканской форме — гитлеровская Германия, в наше время — Португалия, ЮАР, Парагвай.

Органической формой социалистической демократии является республика — советская республика, народно-демократическая республика, демократическая республика. Монархия несовместима с социалистической демократией.

Далее, буржуазная демократия представляет собой политический режим, т. е. определенный метод осуществления государственной власти, противоположный фашистским и авторитарным политическим режимам. Для буржуазной демократии, как политического режима, характерно не только наличие центральных и местных представительных учреждений, выборности, законности, но и прежде всего легальное существование организаций классового сопротивления пролетариата диктатуре буржуазии — коммунистических и рабочих партий, профсоюзов, пролетарских молодежных и женских организаций. Запрещение коммунистической партии в какой-либо буржуазной стране является признаком откровенного поворота от демократии к реакции, показателем далеко зашедшей фашизации политического режима. Поэтому в тех буржуазных странах, где действуют антикоммунистические законы, согласно которым принадлежность к коммунистической партии и пропаганда марксистско-ленинских идей считается уголовным преступлением, даже наличие отдельных атрибутов демократизма не может изменить фактически авторитарный характер политического режима (Испания, Португалия, Греция, Турция, Иран, Аргентина, Парагвай, Гватемала и др.).

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 285.

Буржуазные теоретики считают обязательным признаком всякой демократии наличие многопартийности и именно с этих позиций пытаются критиковать социалистическую демократию. Порочность этого подхода состоит прежде всего в том, что однопартийность отнюдь не является обязательным свойством социалистической демократии. Она является результатом исторически определенного пути перехода от капитализма к социализму. Так, наличие однопартийной системы в СССР объясняется не усмотрением большевистской партии, а результатом предательства меньшевиками, эсерами и анархистами дела пролетарской революции. Они сами лишили себя права на существование в политической системе, созданной Октябрьской социалистической революцией. В то же время особенности перехода к социализму в некоторых других странах предопределили возможность образования нескольких партий. Так, в Болгарии наряду с коммунистической партией действует Болгарский земельный народный союз. В политическую систему ГДР, наряду с СЕПГ, входят Христианско-демократический союз, Либерально-демократическая партия, Национально-демократическая партия и Демократическая крестьянская партия. В Чехословакии с КПЧ сотрудничают Чешская социалистическая партия, Чешская народная партия, Словацкая партия возрождения, Словацкая партия свободы. В Польше Польская объединенная рабочая партия работает в контакте с Польской объединенной крестьянской партией, Польской демократической партией. В КНДР рядом с Трудовой партией Кореи действуют Крестьянская партия (Чендоге) и Демократическая партия. В ДРВ Партия трудящихся Вьетнама выступает в союзе с Социалистической партией и Демократической партией¹.

Таким образом, мы видим, что во многих зарубежных социалистических странах Европы и Азии руководящая роль марксистско-ленинской партии осуществляется в условиях многопартийности. Это не случайно. Сотрудничество коммунистической партии с мелкобуржуазными партиями объясняется тем, что интересы пролетариата и мелкой буржуазии в основе своей совпадают. Об этом писал В. И. Ленин сразу после победы Великой Октябрьской революции. «Касаясь вопроса о союзе рабочих большевиков с левыми эсерами, которым сейчас доверяют многие крестьяне, я доказывал в своей речи, что союз этот *может* быть «честной коалицией», честным союзом, ибо коренного расхождения интересов наемных рабочих с интересами трудящихся и эксплуатируемых крестьян *нет*. Социализм *вполне* может удовлетворить интересы тех и

¹ См. Л. Д. Воеводин, Д. Л. Златопольский, Н. Я. Куприц. Государственное право зарубежных социалистических стран. М., 1972, стр. 138—147.

других. *Только* социализм может удовлетворить их интересы»¹. В то же время В. И. Ленин совершенно недвусмысленно заявлял о том, что для подобного союза нужна прежде всего добрая воля и честное желание сотрудничать самих мелкобуржуазных партий. «Мы твердо стоим на принципе Советской власти, т. е. власти *большинства*, получившегося на последнем съезде Советов, мы были согласны и *остаемся согласны* разделить власть с меньшинством Советов, при условии лояльного, честного обязательства этого меньшинства подчиняться большинству и проводить программу, *одобренную всем* Всероссийским Вторым съездом Советов и состоящую в постепенных, но твердых и неуклонных шагах к социализму»². Как известно, левые эсеры сами разрушили «честную коалицию», подняв вооруженный мятеж против Советской власти в июле 1918 года.

Буржуазия, еще до наступления общего кризиса капитализма, систематически прибегала к авторитарным и террористическим методам правления. После первой мировой войны и Великой Октябрьской социалистической революции отход буржуазии от демократии приобретает практически всеобщий характер. Именно в первые послевоенные годы возникает такой принципиально новый политический режим, как фашизм, который был совершенно неизвестен капитализму в предшествующую эпоху. Фашизм мог появиться только как реакция буржуазии на уже победившую социалистическую революцию, установившую диктатуру пролетариата. Этим объясняется то, что на своей родине, в Италии, фашистское движение сразу же приобрело антисоциалистический характер, из которого впоследствии развилось главное качество фашизма — воинствующий антикоммунизм, одобренный самой разнузданной социальной и националистической расистской демагогией. При всей пестроте и сложности классового состава фашистского движения определяющим является его антипролетарский, антисоциалистический характер.

Установление фашизма представляет собой коренной реакционный переворот, приводящий к полному уничтожению буржуазной демократии самой буржуазией. «Приход фашизма к власти, — говорил Г. М. Димитров на VII Конгрессе Коминтерна, — это не обыкновенная замена одного буржуазного правительства другим, а смена одной государственной формы классового господства буржуазии — буржуазной демократии другой его формой — открытой террористической диктатурой»³.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 102.

² Там же, стр. 76.

³ Доклад на VII Всемирном конгрессе Коммунистического Интернационала. Политический отчет ЦК БРП(К) V съезду партии. М., Госполитиздат, 1958, стр. 8.

Установление фашизма не влечет за собой изменения сущности государственной власти буржуазии, не меняет и характера общественно-экономического строя. При установлении фашизма к власти путем переворота приходит самая реакционная и агрессивная часть буржуазии, которая вводит режим прямого произвола и беззакония. Будучи порождением эпохи общего кризиса капитализма, фашизм представляет собой открыто террористическую диктатуру наиболее реакционных и шовинистических элементов монополистического капитала.

Замена буржуазной демократии фашизмом является результатом слабости исторически обреченной буржуазии. Однако установление фашизма отнюдь не является обязательным этапом. Политическая история современных буржуазных государств свидетельствует о том, что фашизм можно предотвратить. Рабочий класс, руководимый коммунистическими партиями, в союзе со всеми демократическими слоями буржуазного общества в состоянии сорвать любые попытки установления фашизма. Борьба народных масс против установления фашистских и иных тиранических режимов, борьба против существующих авторитарных режимов является составной частью единого мирового революционного процесса, подрывающего и разрушающего капитализм.

«Финансовая олигархия,—говорится в Программе КПСС,—прибегает к установлению фашистского режима, делает ставку на армию, полицию, жандармерию, как на последний якорь спасения от гнева народа, особенно когда трудящиеся массы пытаются использовать даже урезанные демократические права, отстаивать свои интересы и положить конец всевластию монополий. Хотя оголтелый германский и итальянский фашизм потерпел крах, фашистский режим еще удерживается в одних странах и возрождается в новых формах в ряде других»¹.

В настоящее время фашистские режимы существуют в немногих капиталистических странах (Испания, Португалия, ЮАР), но различные виды авторитарных и тиранических режимов распространены более широко. К их числу относятся неофашистские режимы и полуфашистские военные диктатуры (Греция, Южный Вьетнам, Южная Корея, Южная Родезия), а также различного рода военно-полицейские режимы (в некоторых странах Латинской Америки).

В большинстве развитых капиталистических стран действуют неофашистские партии и организации, ставящие своей задачей уничтожение буржуазной демократии и замену ее фашистским политическим режимом. Они предпринимают попытки к объединению не только в национальном, но и в международном масштабе.

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., Политиздат, 1971, стр. 34.

«...Необходимо усилить борьбу против фашистской угрозы, давать беспощадный отпор профашистским вылазкам», — говорится в Основном документе, принятом международным Совещанием коммунистических и рабочих партий 17 июня 1969 г.¹

В-третьих, буржуазная демократия предполагает провозглашение формального равноправия, предоставление всем гражданам юридически одинакового правового положения. «...Демократическая республика, — писал Ф. Энгельс, — официально ничего не знает о различиях по богатству. При ней богатство пользуется своей властью косвенно, но зато тем вернее: с одной стороны, в форме прямого подкупа чиновников — классическим образом является Америка, с другой стороны, в форме союза между правительством и биржей...»². Развивая эту мысль Ф. Энгельса, В. И. Ленин неоднократно подчеркивал: «Демократия означает равенство... Но демократия означает только *формальное* равенство... она означает формальное признание равенства между гражданами, равного права всех на определение устройства государства и управление им»³.

Буржуазные революции, уничтожившие феодальные привилегии и сословное неравенство, предоставили формально каждому гражданину равный правовой статус, материальным содержанием которого является частная собственность на орудия и средства производства. Провозглашенное буржуазными конституциями формальное равноправие представляет собой в действительности ни что иное, как юридическую оболочку фактического неравенства. Предоставление равных возможностей каждому гражданину предполагает в соответствии с принципами буржуазной демократии самостоятельную реализацию их, эффективность которой находится в прямой зависимости от материального положения гражданина. Таким образом, личность наделяется полной свободой самостоятельно реализовывать свои возможности как в сфере экономической, так и политической. Государство вмешивается в этот процесс лишь постольку, поскольку оно силой своего принудительного аппарата обеспечивает внешние юридические условия, в рамках которых действует личность. Подобное положение создает иллюзию беспристрастности государства по отношению к любой личности вне зависимости от ее материального положения и социального статуса.

Согласно принципам буржуазной демократии, личность считается независимой от государства, если она выполняет перед ним свои обязанности (уплата налогов, воинская повин-

¹ Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. М., Политиздат, 1969, стр. 322.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 172.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 99, 100.

ность, соблюдение законов). В период империализма положение в значительной степени меняется, так как государство начинает осуществлять некоторые социальные функции (страхование по безработице, пенсионное обеспечение и т. д.), что создает некоторые возможности для личности добиться частичного осуществления своих интересов через государство. Однако эти специфические черты империалистического «государства всеобщего благоденствия» не меняют сущности отношений между личностью, обществом и государством.

Формальное буржуазно-демократическое равенство является юридической оболочкой, скрывающей фактическое неравенство, эксплуатацию, углубляющую пропасть между богатством и нищетой. «Буржуазная демократия, — подчеркивал В. И. Ленин, — будучи великим историческим прогрессом по сравнению с средневековьем, всегда остается — и при капитализме не может не оставаться — узкой, урезанной, фальшивой, лицемерной, раем для богатых, ловушкой и обманом для эксплуатируемых, для бедных»¹.

В современную эпоху фактическим и юридическим ограничениям подвергаются все права и свободы — социально-экономические, политические, личные. «Монополистический капитал, — говорится в Программе КПСС, — все явственнее обнажает свою реакционную, антидемократическую сущность. Он не мирится даже с прежними буржуазно-демократическими свободами, хотя лицемерно и провозглашает их. Буржуазии на данном этапе исторического развития все труднее пропагандировать лозунги равенства и свободы, как это она делала раньше»².

Сохранение основных буржуазно-демократических прав и свобод в передовых капиталистических странах есть прежде всего результат усилий пролетариата. В еще большей степени от силы и организованности пролетариата, опирающегося на поддержку своих союзников, зависит завоевание новых демократических прав и свобод и последовательное проведение их в жизнь. В. И. Ленин, говоря о реальности осуществления буржуазных прав и свобод, подчеркивал: «Что такое конституция? Бумажка, на которой записаны права народа. В чем гарантия действительного признания этих прав? В силе тех классов народа, которые осознали эти права и сумели добиться их»³.

Только в социалистических странах демократические права и свободы, закрепленные конституциями, обеспечиваются равными для всех граждан материальными, конституционными и процессуальными гарантиями.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 252.

² Программа Коммунистической партии Советского Союза, стр. 33.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 54.

Коренное отличие социалистической демократии от буржуазной состоит в том, что в основе социалистической демократии лежит уничтожение эксплуатации человека человеком, отмена частной собственности на орудия и средства производства. Социалистическая демократия, — и это определяется самой природой социализма, — ничего общего не имеет с формальным равенством, которое «приравнивает» капиталиста к рабочему, крестьянина к помещику, голодного к сытому. Социалистическая демократия есть демократия для трудящихся, навсегда покончившая с ложью и лицемерием буржуазной «свободы». В. И. Ленин учил: «Пока не уничтожены классы, всякие разговоры о свободе и равенстве вообще являются самобманом или обманом рабочих, а также всех трудящихся и эксплуатируемых капиталом, являются, во всяком случае, защитой интересов буржуазии. Пока не уничтожены классы, при всяком рассуждении о свободе и равенстве должен быть поставлен вопрос: свобода для какого класса? и для какого именно употребления? равенство какого класса с каким? и в каком именно отношении? Обход этих вопросов, прямой или косвенный, сознательный или бессознательный, является неизбежно защитой интересов буржуазии, интересов капитала, интересов эксплуататоров. Лозунг свободы и равенства, при умолчании об этих вопросах, о частной собственности на средства производства, есть ложь и лицемерие буржуазного общества, которое формальным признанием свободы и равенства прикрывает фактические, экономические несвободу и неравенство для рабочих, для всех трудящихся и эксплуатируемых капиталом, т. е. для громадного большинства населения во всех капиталистических странах»¹.

Враги социализма клеветают на социалистическую демократию именно потому, что они не видят в ней места для капитала, для эксплуатации человека человеком, для права имущих жить за счет неимущих. Без «свободы» эксплуатации они не мыслят «чистой демократии». Обвинение социализма в «авторитаризме», «тоталитаризме» и прочих смертных грехах есть ни что иное, как реакция отчаяния исторически обреченных классов, не имеющих будущего. Социализм впервые создает подлинную, а не формальную демократию, при которой все массы трудящихся получают реальное право участвовать в управлении государством. Социализм неотделим от демократии и существовать без нее не может. «Самое положение пролетариата, как класса, — учит В. И. Ленин, — заставляет его быть последовательным демократом. Буржуазия оглядывается назад, боясь демократического прогресса, который грозит усилением пролетариата. Пролетариату нечего терять кроме це-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 425—426.

пей, а приобретет он при помощи демократизма весь мир»¹. Органическое единство социализма и демократии является краеугольным положением марксизма-ленинизма. История показала, что отход от демократии не может не сопровождаться деформациями социалистического базиса. Именно это произошло в Китае, где в ходе «культурной революции» была уничтожена социалистическая демократия и заменена военно-бюрократической диктатурой группы Мао Цзэ-дуна. Однако сохранение элементов социалистического базиса является той материальной основой, которая может быть использована здоровыми силами китайского общества для восстановления социалистической демократии. Выступая на международном Совещании коммунистических и рабочих партий 1969 г., товарищ Л. И. Брежнев сказал: «Мы не отождествляем выступления и действия нынешнего китайского руководства ни с чаяниями и стремлениями, ни с подлинными интересами Коммунистической партии Китая, всего китайского народа. Мы глубоко убеждены, что не на путях борьбы против СССР и других стран социализма, против всего коммунистического движения, а на путях союза и братского сотрудничества с ними может быть достигнуто подлинное национальное возрождение Китая, обеспечено его социалистическое развитие»².

В Советском Союзе диктатура пролетариата выполнила свою историческую миссию, построено общенародное государство, создана общенародная демократия — исторически высший тип социалистической демократии переходного к коммунизму периода. Аналогичные процессы протекают сейчас в странах, строящих развитое социалистическое общество.

Глава II. КРИЗИС БУРЖУАЗНОЙ ДЕМОКРАТИИ

В основе ленинского подхода к буржуазной демократии лежит установление двух противоречивых, взаимно исключающих друг друга тенденций, свойственных всей эпохе империализма. В. И. Ленин впервые установил, что основной политической тенденцией империализма является стремление к реакции. Он писал: «И во внешней политике, и во внутренней, одинаково, империализм стремится к нарушениям демократии, к реакции. В этом смысле неоспоримо, что империализм есть «отрицание» демократии вообще, всей демократии...»³. Речь идет не о том, что империализм полностью отбрасывает демократию и заменяет ее режимом реакции и произвола, а именно о тенденции, о стремлении империалистической буржуазии

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 39.

² Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. М., Политиздат, 1969, стр. 73.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 93.

к реакции по всему фронту — и во внешней, и во внутренней политике. Но реакционной тенденции империализма противостоит другая — демократическая тенденция, носителем которой являются трудящиеся. «Капитализм вообще, — подчеркивает В. И. Ленин, — и империализм в особенности, превращает демократию в иллюзию — и в то же время капитализм порождает демократические стремления в массах, создает демократические учреждения, обостряет антагонизм между отрицающим демократию империализмом и стремящимися к демократии массами»¹.

Империализм всегда, и особенно в настоящее время, агрессивен и авторитарен, но проявить эту свою сущность свободно, беспрепятственно он не может, ибо ему и на международной, и на внутригосударственной арене противостоит могущественный и победоносный противник — пролетариат и его союзники. Говоря о свойственной империализму тенденции к реакции, о повороте к реакции, В. И. Ленин всегда подчеркивает мысль о том, что речь идет именно о процессе, о стремлении, о динамике, а не об уже состоявшемся факте, не об уже установившейся всюду в мире капитала реакции. «Политической надстройкой над новой экономикой, — подчеркивает В. И. Ленин, — над монополистическим капитализмом (империализм есть монополистический капитализм) является поворот *от* демократии *к* политической реакции. Свободной конкуренции соответствует демократия. Монополии соответствует политическая реакция»². Правильное понимание этого ленинского положения особенно важно и с теоретической, и с практической точек зрения, так как оно является основой всей демократической стратегии и тактики пролетариата.

Встречавшееся порою неточное понимание этого ленинского положения было подвергнуто справедливой критике советскими учеными. «В нашей литературе, — пишет по этому поводу профессор В. А. Туманов, — до сего дня можно встретить упрощенческую схему, которая выглядит примерно так: промышленный капитализм — это период наибольшего распространения, расцвета демократических институтов и прав; в стадии империализма и особенно общего кризиса капитализма буржуазия последовательно урезала их, сводя в сущности на нет. Подобная схема игнорирует тот исторический факт (а именно он-то и нуждается в объяснении и не укладывается в схему), что существенного расширения своих политических и социальных прав и институтов трудящиеся добились именно в период империализма»³. Эта мысль полностью подтверждается исто-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 71.

² Там же, стр. 93.

³ Современные буржуазные учения о коммунистическом государстве. М., «Наука», 1967, стр. 31.

рическими фактами, так как именно в эпоху империализма, особенно на последних этапах общего кризиса капитализма, возникают мощные, организованные и боевые демократические движения, порою не только нейтрализующие реакционную тенденцию империализма, но и ее преодолевающие. В. И. Ленин предвидел это: «...Империализм не останавливает развития капитализма и роста демократических тенденций в массе населения, а *обостряет* антагонизм между этими демократическими стремлениями и антидемократической тенденцией трестов»¹.

Несмотря на то что на первом этапе общего кризиса капитализма, начавшегося в результате первой мировой войны и Великой Октябрьской социалистической революции, рабочий класс и другие трудящиеся массы капиталистических стран добились под влиянием Октябрьской революции известного расширения демократических прав и свобод (в отдельных буржуазных странах), в целом этот этап характеризуется сдвигом капитализма вправо. В это время в ряде буржуазных стран (Италия, Германия, Япония, Португалия, Испания и некоторые другие) устанавливаются фашистские политические режимы. В других буржуазных странах (США, Великобритания и др.) наблюдалось явное преобладание реакционной тенденции над демократической.

Каковы были причины всеобщего сдвига вправо?

Напуганная последствиями первой мировой войны и победой социалистической революции в России, империалистическая буржуазия перешла в решительное наступление по всему фронту. В ее руках оказалось такое новое и опасное средство антисоциалистической борьбы, как фашизм. Пролетариат же не мог тогда оказать решительного сопротивления, так как коммунистические партии, только что созданные, были невелики и в ряде стран ослаблены либо «детской болезнью левизны», либо «правыми уклонами». Социал-демократия откровенно стала на путь классового предательства, что привело к расколу рабочего движения. Существенную роль сыграло и то, что Советский Союз был одинок и находился в капиталистическом окружении. Этот этап общего кризиса капитализма завершается чудовищной по своим масштабам и жестокости второй мировой войной, развязанной гитлеровской Германией и ее союзниками.

После разгрома фашистских держав в мире складывается совершенно иная обстановка. Державы оси (Германия, Италия, Япония) потерпели сокрушительное поражение, решающую роль в котором сыграли Советский Союз и его вооруженные силы. Звериная сущность фашизма была разоблачена перед всем миром. Необычайно возрос авторитет коммунистиче-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 102.

ских партий. Достаточно сказать, что в первые послевоенные годы в результате мощного подъема революционного движения компартии 12 буржуазных стран (Франции, Италии, Бельгии и др.) входили в состав правительств. Победа народно-демократических революций привела к созданию мировой системы социализма. Развернулось невиданное национально-освободительное движение, в ходе которого почти полностью развалилась колониальная система империализма. Международный монополистический капитал и прежде всего правящие круги США попытались повернуть вспять колесо истории, развязав уже в 1946 г. холодную войну, но эти попытки потерпели провал. Совершенно естественно, что в этих условиях, принципиально отличающихся от обстановки 20—30-х годов, сложилась совершенно новая расстановка сил, чрезвычайно благоприятная для мира, демократии и социализма. Совещание представителей коммунистических и рабочих партий 1957 г. записало в своей Декларации: «Основным содержанием нашей эпохи является переход от капитализма к социализму, начатый Великой Октябрьской социалистической революцией в России. Теперь уже более трети населения всего мира — свыше девятисот пятидесяти миллионов человек — вступило на путь социализма и строит новую жизнь... Развитие социализма и национально-освободительного движения резко ускорило процесс распада империализма. Над большей частью человечества империализм утратил былое господство. Общество в империалистических государствах раздирается глубокими классовыми противоречиями, а также острыми противоречиями между этими государствами; рабочий класс этих стран все более решительно противостоит политике империализма и монополий, борется за улучшение своих жизненных условий, за демократические права, за мир и социализм»¹.

В последующие полтора десятилетия развитие мирового революционного процесса и рост внутрикапиталистических противоречий привели к дальнейшему ухудшению внутриполитического и международного положения империализма. С наибольшей наглядностью это проявилось в главной стране капитализма — США. «Даже наиболее развитые капиталистические государства не избавлены от серьезных экономических потрясений. США, например, вот уже около двух лет не могут выкарабкаться из очередного экономического кризиса. Последние годы были отмечены также серьезным кризисом валютно-финансовой системы капитализма. Постоянным явлением стал одновременный рост инфляции и безработицы. В странах развитого капитализма сейчас насчитывается около 8 миллионов безработных»².

¹ Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм. М., Политиздат, 1961, стр. 4—5.

² Материалы XXIV съезда КПСС, стр. 15.

В поисках своего спасения буржуазия все чаще и настойчивее обращается к реакции, террору, произволу и беззаконию, пытается найти выход в международных авантюрах. Силы агрессии и милитаризма за последние годы развязали более 30 войн и вооруженных конфликтов разных масштабов. Однако все эти усилия монополистического капитала наталкиваются на мощное противодействие со стороны международного рабочего класса и мировой социалистической системы.

Рабочий класс и его политические партии всегда вели борьбу за сохранение, расширение и развитие буржуазной демократии, которая, несмотря на все свои пороки, в условиях диктатуры буржуазии является наиболее благоприятным политическим режимом для трудящихся. «Никакая демократия в мире, — учил В. И. Ленин, — не устранит классовой борьбы и всеисилия денег. Не в этом вовсе заключается значение и польза демократии. Значение ее в том, что она делает классовую борьбу широкой, открытой, сознательной»¹. Органическая тенденция империализма к реакции сдерживается и нейтрализуется пролетариатом, кровно заинтересованным в том, чтобы не только использовать в своих интересах традиционные буржуазно-демократические институты, но и улучшить и развить их в целях политического освобождения народа и окончательной победы революции.

Качественной особенностью нашей эпохи является то, что во всех развитых капиталистических странах, т. е. тех странах, которые достигли стадии государственно-монополистического капитализма, сохраняется — в том либо ином виде, с теми либо иными деформациями — политический режим буржуазной демократии и соответствующие ему институты. Это означает, что реакционной тенденции монополистического капитала во всех развитых капиталистических странах противостоят усилия пролетариата и его союзников. Демократическая тенденция масс оказалась настолько мощной, что она не позволила монополистической буржуазии развитых стран установить авторитарные политические режимы.

Как показывает политическая практика современности, отказ буржуазии от демократии и переход к авторитарным методам властвования, проявляющийся как общая тенденция в эпоху империализма, может осуществляться по-разному, в зависимости от конкретных социально-экономических, политических и международных условий.

Что касается самого метода перехода от режима буржуазной демократии к одной из разновидностей авторитарного режима (фашизм, неофашизм, военная диктатура, каудилизм), то он может быть осуществлен, например, методом путча или военного переворота. Переход от демократии к авторитаризму

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 109.

есть коренное изменение качества политического режима. Этот переход является регрессом, а поэтому не может опираться на массовую поддержку населения, как это бывает при социальных революциях. Как правило, установление авторитарного режима осуществляется в результате верхушечного государственного переворота, в ходе которого массы фактически не принимают участия. В тех же случаях, когда реакционный переворот пользуется известной массовой поддержкой, — это всегда результат демагогии и обмана, жертвами которого, как правило, становятся наиболее отсталые слои трудящихся, разорвавшаяся мелкая буржуазия и деклассированные элементы общества. Наиболее типичными примерами таких переворотов, опиравшихся на определенную массовую поддержку, являются фашистские путчи в Италии (октябрь 1922 г.), в Германии (январь 1933 г.), в Аргентине (февраль 1946 г.). В новейшее время такие перевороты с массовой поддержкой встречались крайне редко (осень 1965 г. в Индонезии). Наиболее типичные перевороты последних лет носили чисто верхушечный характер и совершались военными хунтами (Греция в 1967 г., Боливия в 1971 г.).

В некоторых буржуазных странах замена демократического режима авторитарным осуществляется медленно, исподволь, без резких скачков, путем проведения реакционных реформ, посредством постепенного запрещения левых политических партий и организаций, ограничения прав и свобод, уменьшения роли представительных учреждений. Таким образом, было проведено установление режима военной диктатуры в Японии перед началом второй мировой войны. Этот процесс идет в большинстве буржуазных стран. Окончательное установление авторитарного политического режима означает полное уничтожение буржуазной демократии, всех ее политических учреждений и институтов. В этом случае господствующий класс не только лишает массу населения демократических прав и свобод и соответствующих учреждений, но и отказывается от демократии, как от метода регулирования внутриклассовых отношений, как от метода определения и формирования воли самого господствующего класса. При фашизме концентрация государственной власти доводится до предела. Все государственные решения принимаются либо единолично «фюрером», либо им и его ближайшим окружением. Этот метод принятия решений становится нормой. Г. Геринг в беседе с британским послом Невилем Гендерсоном говорил: «Когда решение должно быть принято, ни один из нас не стоит больше, чем камни, на которых мы стоим. Решает только фюрер»¹.

¹ Цит. по Carl Friedrich and E. Zbigniew. Brzezinski. Totalitarian Dictatorship and Autocracy, N. Y., 1961, p. 23.

В новейшее время фашистские диктаторы и авторитарные вожди не могут позволить себе подобной откровенности. Уничтожая демократию, они, в целях маскировки режима и социальной демагогии, сохраняют для обмана народа некоторые внешние атрибуты демократизма (псевдопарламентаризм, фальсифицированную многопартийность, выхолащенную выборность и т. д.). Палач испанского народа «генералиссимус» Ф. Франко цинично разглагольствует о том, что в этой замученной террором стране существует... «органическая демократия».

Буржуазия может осуществить ряд мероприятий, направленных на то, чтобы лишить демократии массы, но сохранить ее для себя, как метод определения и формирования воли господствующего класса. В этом случае резко ограничивается свобода политических партий, и прежде всего партий рабочего класса, вводится репрессивная юстиция, сокращается сфера применения демократических прав и свобод, осуществляется гонение на инакомыслящих и т. д. Но внутри самого класса буржуазии применяются еще демократические методы правления по воле большинства. Для себя буржуазия демократию еще сохраняет, хотя при последовательно развивающемся авторитаризме в конечном счете она вынуждена будет от нее отказаться. Подобный процесс отхода от демократии имеет место в ФРГ, за последнее время он начал проявляться в Великобритании.

Наконец, при определенных условиях буржуазия может быть вынуждена лишить демократии себя, отказаться от демократии, как от метода определения воли господствующего класса, но сохранить некоторые элементы демократии для масс. При таком пути отхода от демократии сохраняется свобода политических партий, и в том числе партий рабочего класса, продолжают применяться демократические права и свободы, но общенациональное представительное учреждение буржуазного общества — парламент — полностью сводится на нет. Устанавливается режим личной диктатуры, «демократический цезаризм».

Наиболее полное выражение этот метод отхода от демократии получил в V Республике Франции в период с 1958 по 1969 г., когда там существовал режим личной власти.

Современное состояние буржуазной демократии определяется двумя существенными признаками — международная изоляция и внутривластный кризис.

Международная изоляция буржуазной демократии находит свое выражение в том, что, во-первых, молодые освободившиеся страны, — а их в настоящее время около 70, — почти полностью отвергли буржуазную либерально-парламентарную демократию, т. е. демократию стран-колонизаторов. Значительная группа этих стран придерживается социалистической

ориентации (Арабская Республика Египет, Алжир, Бирма, Гвинея, Сомали, Танзания, Народная республика Конго и др.), в некоторых из них проводятся серьезные общественно-экономические преобразования. В большинстве стран Тропической Африки установлены однопартийные президентские режимы. Лишь незначительная часть стран, освободившихся от колониальной зависимости, предприняла попытку перенести на свою почву традиционные буржуазно-демократические институты (Филиппины, Барбадос, Кения). Вывод марксизма о том, что буржуазная демократия изжила себя исторически (но не политически), как нельзя лучше подтверждается отношением к ней молодых освободившихся государств. Во-вторых, в старых буржуазных странах, не достигших еще стадии империализма (к их числу относится большинство стран Латинской Америки, Португалия, Греция, Турция, Иран и др.), почти ликвидирована буржуазная демократия. В этих странах существуют различного рода авторитарные и тиранические режимы — от фашизма до каудилизма, — поддерживаемые, как правило, американским империализмом.

Таким образом, буржуазная демократия, как политический режим и государственная форма диктатуры капитала, существует только в империалистических странах, достигших стадии государственно-монополистического капитализма (США, Канада, большинство буржуазных стран Европы, Япония, Австралия, Новая Зеландия). Число этих стран невелико, и оно имеет тенденцию к сокращению.

Буржуазная демократия находится в постоянной международной изоляции.

Внутриполитический кризис буржуазной демократии, несмотря на наличие существенных национальных особенностей, имеет всеобщий характер и развивается по следующим основным направлениям.

1. Слияние государственного аппарата с монополиями. Этот процесс, появившийся вместе с империализмом, в современную эпоху получает свое логическое завершение. «Государственно-монополистический капитализм соединяет силу монополий с силой государства в единый механизм в целях обогащения монополий, подавления рабочего движения и национально-освободительной борьбы, спасения капиталистического строя, развязывания агрессивных войн»¹.

В современных империалистических странах монополистический капитал прямо или через своих ставленников берет в свои руки все рычаги управления государством. Создается целая система учреждений — предпринимательские организации,

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза, стр. 26—27.

консультативные комиссии, группы давления¹, через которые осуществляется постоянная оперативная связь монополий с различного рода государственными органами. Важнейшие государственные решения принимаются только после консультаций с предпринимательскими организациями — Национальная ассоциация промышленников и Торговая палата в США, Конфедерация британской промышленности в Англии, Национальный союз французских предпринимателей, Конфиндустрия в Италии, Федеральное объединение немецких союзов работодателей в ФРГ и т. д. Вот несколько примеров... Замораживание заработной платы, введенное правительством Р. Никсона в целях спасения доллара и приостановления валютного кризиса, представляет собой прямое ограбление трудящихся в интересах монополий. Вступление Англии в Общий рынок, которого добилось консервативное правительство Эдварда Хита, продиктовано волей монополий, хотя против него высказалось подавляющее большинство английского народа. Это признал во время парламентских дебатов лидер оппозиции Г. Вильсон: «Мистер Хит говорит, что он получает много писем от организаций и они все больше высказываются в пользу «рынка». Несомненно, это письма от Конфедерации британской промышленности, от Торговой палаты, от работодателей и торговых банков. Но не от профсоюзов. Не от пенсионеров. Не от безработных. Не от домашних хозяек»².

Конфедерация британской промышленности представляет собой фактически закулисное правительство. Она имеет «своих людей» в кабинете, в палате общин, в палате лордов, в оппозиции. КБП объединяет 12 000 монополистических компаний и ассоциаций, ее филиалы действуют почти в 100 странах. Даже буржуазные авторы, хотя и с оговорками, признают зловещее влияние этой могущественной предпринимательской организации... «Сила организации КБП, — пишут английские политологи У. Грант и Д. Марш, — определенно убеждает в том, что ее взгляды хорошо известны правительству, а ее способность оказывать влияние на принятие конкретных решений зависит от иных факторов, чем искусство, с которым Конфедерация представляет свои интересы»³.

Наиболее откровенным выражением слияния государственного аппарата с монополиями является то, что важнейшие правительственные посты занимают непосредственно монополисты или их прямые ставленники. Правительства Д. Эйзенхауэра, Д. Кеннеди, Л. Джонсона почти целиком состояли из миллионеров. Американская печать приводит данные о со-

¹ Различного рода организации, выражающие групповые интересы и оказывающие влияние на органы государственной власти и местного управления.

² «За рубежом», № 48, 1971, стр. 17.

³ «Political Studies», december, 1971, p. 409.

стоянии министров, входящих в кабинет Р. Никсона (его собственное состояние оценивается в 1,5 млн. долларов): министр обороны М. Лэйрд — миллионер, министр жилищного строительства и городского планирования Д. Ромни — миллионер, министр внутренних дел У. Хикел — 14 млн. долларов, государственный секретарь У. Роджерс до поступления на государственную службу получал 300 тысяч долларов в год, министр юстиции Д. Митчелл — 200 тысяч, министр здравоохранения, просвещения и социального обеспечения Р. Финч — 200 тысяч, об остальных министрах просто сказано — богат.

Профессор социологии Миннесотского университета Арнольд Роуз устанавливает пять основных форм влияния крупного бизнеса на правительство США: 1. Определение размеров ассигнований на оборону. 2. Контроль над распределением оборонных заказов. 3. Влияние на распределение налогового бремени. 4. Влияние на правительство и конгресс через прессу и другие средства массовой коммуникации. 5. Прямое воздействие на государственный аппарат через бизнесменов — государственных служащих¹. Можно было бы назвать и шестой метод — подкуп государственных служащих, но буржуазный ученый об этом предпочитает умалчивать.

Слияние государственного аппарата с монополиями свойственно всем без исключения империалистическим странам, но наиболее циничный характер оно приобрело в США. Новая Программа Коммунистической партии США дает следующую оценку этому явлению: «С ростом монополистического капитала возрастает и расширяется его контроль над государственным аппаратом. Правительство фактически превратилось в политическое орудие небольшой группы ведущих монополистов, использующих его ради контроля над остальным обществом... Монополии все более используют государство, добиваясь для себя рынков, капитала и субсидий, гарантирования иностранных рынков и капиталовложений, облегчения последствий депрессии»².

2. Бюрократизация и милитаризация государственного аппарата. Фактическое управление всеми делами буржуазного общества перешло в руки профессиональной бюрократии, которая представляет собой постоянную часть политической системы империалистического государства. Профессиональная бюрократия не зависит от смены партий на вершине государственной машины — в парламентах и правительствах. В. И. Ленин особо подчеркивал мысль о том, что в буржуазном государстве «смена министров значит очень мало, ибо реаль-

¹ Arnold M. Rose, *The Power structure*, N. Y., 1967, pp. 93—94.

² «США: экономика, политика, идеология». 1970, ноябрь, № 11, стр. 82—83.

ная работа управления лежит в руках гигантской армии чиновников»¹.

Перерастание промышленного капитализма в империализм, а особенно эпоха государственно-монополистического капитализма, характеризуются огромным ростом бюрократического аппарата. В 1889 г. в США при 62 млн. населения насчитывалось 30 тыс. государственных служащих, а в 1964 г. при 186 млн. населения — 2,5 млн. государственных служащих. Численность населения выросла, таким образом, в три раза, а численность чиновников... в 83 раза!

Слияние государственного аппарата с монополиями и всесторонняя бюрократизация полностью выхолащивают те демократические процедуры — выборы, деятельность представительных учреждений и другие, которые составляют основное проявление буржуазной демократии.

Милитаризация империалистического государственного аппарата выражается не только в том, что важнейшие государственные посты занимают военные. Сущность милитаризации состоит в полном подчинении государственного аппарата нуждам войны. Милитаризация охватывает все сферы общественной жизни. Так, 70% государственного бюджета в США расходуется на военные нужды. В одном американском издании говорится: «Установлено, что мы расходуем около 322 тысяч долларов на убийство каждого коммуниста во Вьетнаме, в то время как в ходе так называемой войны с бедностью мы расходуем примерно 53 доллара на человека»². Соотношение весьма красноречиво: 1 к 6 000.

Милитаризация охватила все империалистические страны, но наиболее откровенное свое выражение она получила в США — главной стране капитализма, играющей роль мирового жандарма. Американский публицист Ричард Барнет в своей книге «Экономика смерти» пишет: «С 1946 г. налогоплательщики были вынуждены внести более миллиарда долларов на национальную безопасность (т. е. на военные нужды.—А. М.). Каждый год федеральное правительство тратит более 70 центов из каждого бюджетного доллара на прошлые, нынешние и будущие войны. Американский народ тратит на содержание военной машины больше, чем федерация, штаты и муниципалитеты тратят на здравоохранение, образование, помощь престарелым, пенсионерам, социальное обеспечение, страхование по безработице, жилищное строительство и коммунальное хозяйство и поддержание сельского хозяйства. Из общей суммы налогов, выплачиваемых американцами, только одиннадцать процентов расходуется на гражданские нужды»³.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 202.

² «Anatomy of Anticommunism», N. Y., Hill and Wang, 1969, p. 125.

³ Richard J. Baruet, The Economy of Death, N. Y., 1969, p. 5.

Происходящий в послевоенные годы в империалистических странах в небывалых масштабах рост милитаризации привел к созданию обстановки военной истерии, травли инакомыслящих, шпиономании. Генералы и адмиралы занимают ключевые посты в государственном аппарате, а армия все чаще используется для подавления забастовок, разгона демонстраций, усмирения студенческих волнений. Выступления негров в Лос-Анжелесе, Чикаго, Детройте неоднократно подавлялись войсками и подразделениями национальной гвардии. Тысячи британских солдат оккупируют Ольстер, карабинеры расстреливают рабочие демонстрации в Италии.

В наше время с новой силой звучат ленинские слова о том, что «постоянное войско и полиция суть главные орудия силы государственной власти...» во всех буржуазных странах¹.

3. Упадок роли и значения центральных и местных представительных учреждений. Парламенты и муниципалитеты, согласно теории буржуазного конституционализма, должны являться органами, выражающими волю народа в центре и на местах. Такой роли они не играли никогда, но в период промышленного капитализма эти учреждения пользовались определенной самостоятельностью. Империализм, со свойственной ему концентрацией политической власти, низводит центральные и местные представительные учреждения до положения чисто совещательных органов. Парламенты из органов законодательных превратились в органы законоутверждающие. Принимаемые парламентами законы не обязаны им своим происхождением. Законодательная инициатива полностью сосредоточена в руках правительств и подчиненных им центральных исполнительных ведомств. Этот факт настолько очевиден, что его не скрывают даже теоретики буржуазного государства. Они пишут о бессилии парламента, как о факте совершенно очевидном. Американские советологи Збигнев Бржезинский и Самуэль Хантингтон признают: «В настоящее время стало прописной истиной то, что хотя конгресс может одобрить, отклонить, изменить или отсрочить законодательство, но в редких случаях является его автором»².

Консервативное правительство Э. Хита, проталкивая через парламент Билль о Европейском сообществе, цинично попрало все права этого почтенного учреждения. Газета английских рабочих «Морнинг стар» так говорит о «хаосе в палате общин»: «Обсуждение, исправление и отклонение законов и договоров является суверенным правом парламента. Мистер Хит попрал это право, запретив обсуждать и вносить поправки к законам и договорам об Общем рынке, которые станут обязательными для Британии, если она присоединится к Шестерке.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 9.

² Zbigniew Brzezinski and Samuel Huntington, Op. cit, p. 203.

Уже сейчас можно предвидеть уничтожение основных прав парламента после вступления в Рынок»¹.

Империалистическая буржуазия стремится к тому, чтобы править без парламентов, особенно в тех странах (Италия, Франция), где коммунистические и рабочие партии имеют сильные и влиятельные парламентские фракции. Коммунисты Франции в своей программе достижения передовой демократии требуют резкого усиления роли парламента. «Наша программа, — пишет генеральный секретарь ФКП тов. Вальдек Роше, — предусматривает отмену тех положений действующей конституции, которые устанавливают личную власть: никогда не должно быть позволено какому-либо лицу выступать единолично от имени государства, без народного контроля, без парламентарского контроля. Избираемое всеобщим голосованием национальное собрание будет иметь своей задачей принятие законов и осуществление контроля за деятельностью правительства; сильное, наделенное необходимым сроком полномочий и ответственное перед национальным собранием правительство будет играть роль исполнительного органа, осуществляющего программу, одобренную большинством народа»².

Кризис буржуазных муниципалитетов в настоящее время развивается по двум основным направлениям. Во-первых, падает значение выборной части муниципалитетов — советов. Одновременно возрастает значение муниципальной администрации, т. е. местного аппарата управления, который органически срастается с буржуазным государственным аппаратом. Во-вторых, резко возрос контроль центральной власти над муниципалитетами, что привело к существенному умалению и искажению муниципальной демократии. «Постоянно возрастающее число важных решений принимается непосредственно центральной властью, а на долю местных представительных учреждений остается обязанность их выполнения. Это означает, что местные представительные учреждения, поскольку они лишены возможности не только решать общие вопросы местного управления, но и выражать свое отношение к ним, фактически превращаются в фасад, за которым действует механизм исполнения директив центрального правительства»³.

Однако следует иметь в виду, что кризис парламентов и муниципалитетов в империалистических странах не лишает их полностью представительного характера. Полная их деградация имеет место лишь при установлении авторитарных политических режимов. Пока сохраняются основы буржуазной

¹ «Morning Star», March 2, 1972.

² Waldek Rochet L'Avenir du Parti Communiste Francais, Paris, 1969, p. 72.

³ S. Humes and E. Martin, The Structure of Local Government throughout the World, The Hage, 1961, p. 168.

демократии, парламенты и муниципалитеты именно в силу их выборности остаются самыми доступными для трудящихся органами буржуазного государства.

4. Рост полномочий исполнительных органов государственной власти. В современных буржуазно-демократических странах главным орудием осуществления диктатуры монополистического капитала является правительство, которое в подлинном смысле слова было и остается комитетом по заведованию общими делами класса буржуазии. Правительство империалистического государства, вне зависимости от формы правления, является узкоклассовым органом, осуществляющим важнейшие властные функции. Правительство осуществляет реальный и эффективный контроль над всеми другими высшими органами государственной власти — парламентом и главой государства. Оно состоит из прямых или косвенных представителей монополистического капитала и в своей повседневной деятельности поддерживает деловые контакты с предпринимательскими организациями. Особую роль в буржуазном правительстве играет его глава — премьер-министр (в парламентарных странах, где правительство формально несет ответственность за свою деятельность перед парламентом и формируется парламентским путем) и президент (в президентских республиках, где правительство формируется непарламентским путем). Глава буржуазного правительства обладает поистине диктаторскими полномочиями. От его воли зависит не только персональный состав правительства, но и определение основных направлений внутренней и внешней политики государства. Английский ученый Ф. Бинем в своей книге «Выборный монарх» пишет: «Премьер-министр — суверен. Иными словами, он управляет с абсолютной властью, в то время как по положению своему он всего лишь член парламента по милости парламента»¹.

Особенно велики полномочия, которые сосредоточил в своих руках президент США. Американский политолог Клинтон Росситер в своем исследовании президентской власти заявляет, что президент США является: главой государства, главой исполнительной власти, лидером внешней политики, верховным главнокомандующим вооруженными силами, главой законодательства, главой партии, глашатаем народа, защитником мира, менеджером процветания и вождем свободных наций мира². Конечно, этот перечень грешит чисто пропагандистскими преувеличениями, но он все же дает достаточно точное представление о реальном значении американского президента. В американской литературе в этой связи неоднократно высказывались опасения относительно прямого

¹ F. W. Benemy. The Elected Monarch, 1965, p. 245.

² Clinton Rossiter, The American Presidency, N. Y., 1960.

превращения президента в диктатора, способного поставить страну и мир на грань катастрофы. Некоторые ученые пытаются найти средства, которые предотвратили бы ужасную возможность непоправимой ошибки, которую президент может совершить в состоянии депрессии или истерического припадка. Речь идет о знаменитом «красном телефоне», по которому президент США может отдать приказ вооруженным силам начать боевые действия.

Дж. Мак Грегор Бернс высказывает по этому поводу следующее соображение: «способность президента совершить катастрофическую ошибку в результате переутомления или душевной депрессии не может быть ценой, которую мы платим за президентское правление. Это цена, которую мы платим за то, что живем в том мире, который мы создали»¹.

Такая важнейшая внешнеполитическая акция, как поездка президента Р. Никсона в Пекин, была подготовлена тайно и осуществлена без ведома конгресса. Американский народ и его парламент узнали о создании «оси Вашингтон—Пекин» из газет.

Концентрация огромных полномочий в руках одного лица, даже если оно является высшим должностным лицом государства, представляет собой прямую и непосредственную угрозу демократии. Опыт истории учит, что демократическое правление может быть заменено авторитарным режимом с помощью и посредством органа, наделенного чрезмерными полномочиями. Это, конечно, не исключает и других способов осуществления государственного переворота.

5. Подчинение личности тотальному государственному контролю. Постоянное формальное и фактическое нарушение буржуазно-демократических прав и свобод в империалистических государствах настолько обычно и общепризнано, что это не требует дополнительных доказательств. Принципиально новым явлением, возникшим лишь в эпоху научно-технической революции, является чудовищное распространение конформизма и постоянного, всепроникающего контроля над самыми интимными сторонами жизни личности в государствах «свободного мира». Конформизм, т. е. принудительное «единомыслие», а точнее мышление в соответствии с идеологическими шаблонами, устанавливаемыми властью, мог появиться только в эпоху массовой пропаганды, когда практически каждый человек подвергается систематической идеологической обработке. Обратной стороной конформизма является постоянная слежка, подслушивание телефонных разговоров, анкетирование, проверка лояльности на лайдетекторах и прочих приборах. Особенно широкое распространение эта практика получила в США, хотя ей не чужды и другие империалистические страны. Американский публицист В. Пакард в своей книге

¹ James Macgregor Burns, *Presidential Government*, N. Y., 1965, p. 298.

«Обнаженное общество» рисует типичную для нынешней Америки картину. «Посмотрим в телескоп на процветающую семью в типичном городе Страны Свободы в 1964 г.

Мама в универмаге примеряет новое платье... Скрытая TV-камера... наблюдает за каждым ее движением, чтобы она не засунула себе в карман чего-нибудь лишнего...

Папа у себя в офисе беседует за столом с группой коллег о работе департамента. Коллега, сидящий рядом с ним, является тайным агентом, нанятым в общенациональном детективном агентстве президентом папиной компании, чтобы следить за деятельностью его основных подчиненных. Где-то еще сыщик подслушивает папины разговоры с банкиром, чтобы выяснить размер его счета и его долгов, так как папа недавно обратился в страховое агентство с просьбой застраховать свое личное имущество.

Сын Джон — выпускник колледжа — сидит в кресле с грудью, обмотанной пневматическими трубками и электродами, прикрепленными к его ладоням. Он просит работы торгового представителя в электротехнической компании. Сейчас он проходит обычную проверку на лайдетекторе для определения его честности, возможных дурных привычек и гомосексуальности. В это же время сыщик беседует с одним из учителей Джона относительно его политических взглядов...

Очаровательная дочка Мэри всего лишь второкурсница. Она сидит в классной комнате и продирается через анкету с 250 вопросами. Анкета предлагает ответить на такие вопросы: ссорятся ли ваши родители, разговаривают ли они с вами о сексе, озабочена ли она нерегулярностью менструальных периодов...

Все это, естественно, не могло случиться в один и тот же день в одной и той же семье, но все это случается каждый день с огромным числом людей»¹.

В США действуют сотни детективных агентств, располагающие десятками миллионов досье, и за соответствующую плату они могут получить о любом американце любую информацию — от политических взглядов до половой жизни. Личность оказывается совершенно обнаженной и беззащитной перед недремлющим оком всеведущего сыщика (государственного и частного). Либерально мыслящие люди не без оснований усматривают в этой всеобщей слежке признаки надвигающегося тоталитаризма.

Нарушение основных конституционных прав и свобод стало повседневной практикой в буржуазных странах. В 1970 г. конгресс США принял Закон о преступности в Федеральном округе Колумбия (Вашингтон), который грубейшим образом нарушает IV и VIII поправки к Конституции. Этот закон ввел

¹ Vanee Pacard. The Naked Society, Penguin Books, 1964, pp. 15—16.

для столицы США, в которой проживает около 70% негров, режим открытого полицейского произвола. Согласно этому закону вводится превентивное тюремное заключение для лиц, подозреваемых в намерении совершить преступление. Расширяется практика подслушивания телефонных разговоров, полиция получает право производить обыск в домах американцев без предупреждения, если сочтет это необходимым. Этот реакционнейший закон, как и предполагали, стал образцом для многих других штатов.

В современных империалистических странах рушится система моральных и политических ценностей, созданная предшествующими поколениями буржуа. Вышла из повиновения молодежь и бунтует против существующей политической системы. Резко возросли не только социальные, но и национальные, расовые, религиозные, профессиональные, возрастные и иные противоречия. Все это свидетельствует о кризисе буржуазной демократии, который является лишь составной частью общего кризиса капитализма.

Глава III. БУРЖУАЗНАЯ ИДЕОЛОГИЯ И ДЕМОКРАТИЯ

В основе современных буржуазных теорий о демократии лежит желание во что бы то ни стало сохранить капиталистический строй, как бы они его ни называли в целях маскировки — свободное предпринимательство, народный капитализм, великое общество и т. д. Обратная сторона этих теорий — антикоммунизм и главным образом антисоветизм.

Буржуазные идеологи пытаются противопоставить свои рассуждения о демократии марксизму. С этой целью они ополчаются против наиболее важных, фундаментальных положений марксизма — учения о классовой борьбе, классовом характере государственной власти, неизбежности для всего человечества перехода от капитализма к социализму.

Однако К. Маркс и Ф. Энгельс еще в «Манифесте Коммунистической партии» вскрыли классовый характер государственной власти: «Современная государственная власть — это только комитет, управляющий общими делами всего класса буржуазии». И далее: «Политическая власть в собственном смысле слова — это организованное насилие одного класса для подавления другого»¹. Историческая практика человечества полностью подтвердила истинность этих марксистских положений.

Буржуазные идеологи убеждают читателя в том, что капиталистическую демократию можно сохранить, приспособив ее к новым условиям. В этом смысле буржуазно-демо-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 426, 447.

кратические теории противостоят откровенно фашистским и авторитарным концепциям, авторы которых открыто выступают против демократии. В сущности же своей оба эти подхода имеют единую цель — сохранить капитализм.

Многочисленные теории империалистической буржуазии о демократии, составляющие часть ее идеологии, условно можно подразделить на несколько основных групп.

К первой группе относятся те буржуазные теории, которые, абсолютно не считаясь с социально-экономической и политической реальностью империализма, откровенно идеализируют буржуазную демократию, наделяют ее такими качествами, которые в ней не усматривают даже западные авторы, стоящие на более реалистических позициях. Наиболее типичной в этом смысле является **теория плюралистической демократии**, которая усиленно пропагандируется в послевоенные годы.

Основное положение этой теории **о множестве центров власти** было сформулировано еще в начале прошлого века французским исследователем американской демократии Алексисом де Токвилем, но свое детальное истолкование и развитие оно получило в первые десятилетия текущего столетия. Таким образом, старая идеалистическая концепция была приспособлена к новым условиям.

Плюралисты (Артур Бентли, Дэйвид Трумэн, Р. Дал, В. О. Кий, Арнольд Роуз и многие другие) выступают против положения о концентрации государственной власти в руках истеблишмента, правящей элиты, военно-промышленного комплекса (все эти термины используются в трудах тех социологов и политологов, которые не могут не видеть сосредоточения государственной власти в руках немногих). Они полностью **отрицают классовый характер государственной власти**. Американский профессор Адольф Бирл заявляет: «При тщательном изучении сама теория «классовой власти» представляется абсурдной. Никогда нигде не было ни одного свидетельства в ее пользу»¹. С подобным подходом не могут согласиться даже многие буржуазные ученые. Так, английский политолог Джон Лиз пишет: «Политические лидеры национального уровня не являются представителями населения, а руководящие позиции обычно занимаются лицами из групп, обладающих высокими доходами, хорошим образованием и высоким социальным статусом»². Разве под одну из этих характеристик может подойти рабочий или трудящийся — фермер? Конечно, нет. Подобными качествами обладают только капиталисты и их агенты.

¹ Adolf Berle, op. cit., p. 73.

² John. D. Lees, The Political System at the United States, London, 1969, p. 124.

Сторонники теории плюралистической демократии развивают идею о том, что современное буржуазное общество распадается на множество социальных, профессиональных, религиозных, политических, местных, национальных и иных группировок, каждая из которых обладает своими собственными, групповыми интересами и целями. Эти группировки в сфере осуществления государственной власти представлены различного рода «группами давления», «заинтересованными группами», каковыми являются политические партии, профессиональные союзы, предпринимательские организации, церковные общины, общественные организации, корпорации, объединения фермеров и т. д. Так, по подсчетам американских политологов в США насчитывается от 1500 до 2000 общенациональных групп давления, которые некоторые авторы классифицируют на экономические группы (АФТ-КПП, Национальная ассоциация промышленников), патриотические группы (Американский легион, Американская коалиция патриотических обществ), профессиональные группы (Американская ассоциация адвокатов, Американская ассоциация врачей, Американская ассоциация учителей), религиозные группы (Национальная ассоциация католиков, Американский еврейский комитет), политические группы (Американцы — сторонники демократических действий, Общество Джона Берча, Молодые американцы за свободу) и др. Согласно взглядам плюралистов каждая из этих «групп давления» или «заинтересованных групп» обладает известной долей властных полномочий, которые используются ею для достижения своих целей. «Наиболее существенной характеристикой демократического строя, — пишет профессор Гарвардского университета В. И. Кий, — является широкая дисперсия власти. Подлинная власть имеет тенденцию расплываться, и она осуществляется не только правительственными чиновниками, но также частными лицами и группами внутри общества¹. Таким образом, сторонники этой теории прибегают к явной фальсификации, выдавая за субъектов осуществления государственной власти и организации монополистов, и профсоюзы, и различные по своему классовому составу общественные организации. Не имея возможности с фактами в руках опровергнуть положение о сосредоточении государственной власти в руках привилегированного эксплуататорского меньшинства, они сознательно искажают действительное положение вещей в империалистических странах.

Проповедники теории плюралистической демократии заявляют, что, поскольку государственная власть расплывлена, возникает соревнование, соперничество между различными

¹ V. O. Key, *Politics, Parties and Pressure Groups*. N. Y., 1964, pp. 6—7.

«центрами власти», а это, в свою очередь, коренным образом меняет роль центральных органов государственной власти, т. е. самого буржуазного государства в целом. В современном «государстве всеобщего благоденствия», заявляют буржуазные идеологи, нет властвующих и подвластных, так как все граждане в одинаковой степени и якобы на равных основаниях принимают участие в осуществлении государственной власти. Что же касается самого государства, то оно играет роль арбитра и примирителя конфликтующих интересов. Подобная система якобы обеспечивает не только контроль над осуществлением государственной власти снизу, но и оказывает эффективное воздействие на процесс принятия решения со стороны всех групп и слоев буржуазного общества. Получается, что предприниматели и безработные осуществляют якобы одинаковое влияние на процесс принятия решений всеми органами империалистического государства. Непонятным остается одно — почему государственные решения принимаются только в интересах предпринимателей.

Теория плюралистической демократии полностью искажает классовую сущность империалистического государства. Сторонники этой теории пытаются создать идеальную картину буржуазной демократии. Они совершенно игнорируют экономические факторы, ставя в одинаковое положение по отношению к государству и предпринимательские организации монополистов и профессиональные организации пролетариата. А это чистейшее лицемерие. «Пока собственность остается за капиталистами,— говорил В. И. Ленин,— всякая демократия будет только лицемерно прикрытой буржуазной диктатурой»¹. Монополии США получают фантастические прибыли за счет гонки вооружений, а на долю нуждающихся американцев почти не остается ничего. За 22 послевоенных года (1945—1967) правительство США на войну истратило 904 млрд. долларов, а на просвещение, здравоохранение, социальное обеспечение, жилищное строительство и благоустройство, т. е. на подлинные жизненные нужды народа — в десять раз меньше. Американские работники, особенно негры-тяжки, ведут многолетнюю борьбу за открытие детских садов и ясель для работающих матерей. Их интересы представляет «группа давления» — Национальная федерация родителей. Ей удалось с великим трудом убедить конгрессменов в необходимости принятия «Закона о всестороннем развитии детей». Но этому закону противостояли могущественные монополистические группы давления, и по их требованию президент Р. Никсон «убил» этот закон, наложив на него вето в январе 1972 г.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 437.

В политической системе современной буржуазной демократии трудящиеся иногда оказывают известное воздействие на принятие отдельных законов. Однако это никак не изменяет эксплуататорского характера буржуазного государства и буржуазного права, которые в конечном счете выражают и осуществляют общую волю буржуазии. Иллюзии некоторой части населения о надклассовом характере буржуазного государства иногда порождаются еще и тем, что провести прямую линию между волей монополии и конкретным законодательным актом практически трудно. Именно сложность отношений, возникающих в процессе осуществления государственной власти, используется буржуазными идеологами для насаждения плюралистических иллюзий, для обмана общественного мнения. К этой группе относится также **теория компромиссной демократии**, которая получила значительное распространение в ряде развитых (главным образом англосаксонских) стран. Согласно утверждениям сторонников этой теории, в современных развитых буржуазных странах существует согласие большинства населения по основным вопросам внутренней и внешней политики, а расхождения наблюдаются только по второстепенным вопросам, не затрагивающим основ экономико-политической организации общества. Иными словами, по мнению этих теоретиков (Госнелл, Фридрих, Филд, Брзежинский и др.), большинство населения империалистических стран поддерживает капиталистическую систему, т. е. среди большинства населения имеется «согласие в основном», а расхождения во взглядах и противоречия наблюдаются лишь по второстепенным и частным вопросам. В этих условиях, заявляют они, демократия действует как механизм достижения соглашений, компромиссов между различными классами и группами буржуазного общества с целью стабилизации существующих порядков и предотвращения каких-либо возмущений. Нетрудно догадаться, что из этих идеалистических построений выводится столь же старый, сколь и лживый тезис о надклассовом характере буржуазного государства.

Теория компромиссной демократии, так же как и теория плюралистической демократии, представляет собой попытку затушевать антагонистические противоречия в империалистических государствах и наделить диктатуру монополистического капитала чертами народной власти.

В работах современных буржуазных политологов усиленно пропагандируется идея о том, что демократия в «государстве всеобщего благоденствия» стала массовой, народной, в отличие от старой демократии периода свободной конкуренции. Это нашло свое выражение в тех эпитетах, которыми снабжают западные авторы современную буржуазную демократию — «правящая демократия», «популистская (народ-

ная) демократия», «полиархическая (имеющая много центров власти) демократия», «массовая демократия», «демократия партий», «репрезентативная (представляющая интересы всех) демократия» и др.

Проповедники апологетических теорий демократии утверждают, что в современных империалистических странах граждане настолько полно и всесторонне наделены политическими правами, что эти права стали уже не целью политической борьбы трудящихся, а средством достижения различного рода социальных целей, главная из которых — материальное благополучие. Изменился якобы правовой статус народа, который из управляемого превратился в правителя и получил возможность контролировать все органы государственной власти через «свои» политические партии. Подобный лицемерный вымысел породил совершенно искусственную концепцию «демократии партий» или «режима господства политических партий», согласно которой центр тяжести в деле осуществления государственной власти переместился с конституционных органов на политические партии. Партии же в рамках этой концепции рассматриваются как массовые политические организации самого народа, осуществляющие действенный контроль над правительством, парламентом, администрацией и муниципалитетами. Симптоматично, что одним из практических выводов сторонников «новой демократии» является предложение о полной ликвидации всех форм контроля парламента над правительством, так как, мол, правительство стало народным, а всякое де ущемление его полномочий есть не что иное, как... ограничение народного суверенитета. Как учит история, ссылаясь на волю и интересы народа можно оправдывать любые антинародные акции.

Авторы буржуазно-демократических теорий выполняют (вольно или невольно) двойную задачу. Во-первых, они маскируют откровенно олигархическую диктатуру монополистического капитала под народную власть. Во-вторых, они исподволь готовят общественное мнение к установлению террористических режимов.

Широкое распространение подобного рода теорий о буржуазном государстве именно на третьем этапе общего кризиса капитализма объясняется «растерянными потугами буржуазии» скрыть антинародный характер своей реакционной власти, замаскировать растущие противоречия между трудом и капиталом. Империалистическая буржуазия пытается менять формы и приемы осуществления своей диктатуры по мере наращивания экономического и политического гнета. По отношению к трудящимся диктатура буржуазии выступает всегда как враждебная сила, вне зависимости от ее формы. В. И. Ленин учил: «Формы буржуазных государств чрезвычайно разнообразны, но суть их одна: все эти государства

являются так или иначе, но в последнем счете обязательно *диктатурой буржуазии*»¹.

Еще до первой мировой войны начали появляться теории, авторы которых подвергали критике буржуазную демократию справа, открыто призывая к замене демократии олигархией. Особенно широкое распространение эти теории получили в период общего кризиса капитализма. Авторы этих теорий не скрывают язв и недугов буржуазной демократии. Они пишут о том, что эта демократия фактически привела к власти богатых над бедными, коррупции, манипулированию голосами избирателей. Они открыто говорят о концентрации государственной власти в руках привилегированных групп, о бесправии народа, но они также категорически отрицают классовую борьбу. Теории этого направления зародились как буржуазная реакция на марксистское учение о классовой борьбе, классовом характере власти и государства. Суть их воззрений состоит в доказательстве неизбежности процессов концентрации власти, происходящих в рамках политической системы буржуазии. Они не зовут назад к «золотому веку» парламентаризма и муниципальных свобод, а обосновывают разумность и целесообразность существующей власти. Они полностью отвергают концепцию народного суверенитета, правления по воле народа и выдвигают понятие **правлящей элиты**, которая впервые была сформулирована в трудах итальянских социологов Вильфредо Парето (1848—1923) и Гаэтано Моска (1858—1941), а в последующие десятилетия получила свое истолкование в работах их многочисленных последователей (Р. Михельс, Ф. Хантер, Р. Милс и др.).

Элитисты подвергали уничтожающей критике учение о плюралистической демократии, которую они рассматривали как совершенно беспочвенную идеализацию фактических властеотношений. Согласно учению элитистов в любом человеческом обществе существует правящее меньшинство, обладающее монопольным правом принятия решений. Это меньшинство (правлящая элита, правящий класс, политический класс, в работах современных элитистов-истеблизм и др.) занимает свое положение не в силу выборов, а в результате переворота, завоевания, господствующего положения в экономике. Выборы лишь оформляют фактически олигархическую власть правящей элиты и никогда не могут создать механизм, контролирующий ее деятельность. Правящее меньшинство, учат элитисты, всегда избегает контроля со стороны большинства, вне зависимости от наличия демократических процедур, которые формально должны обеспечить такой контроль. Известный социолог Р. Михельс еще свыше

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 35.

60 лет назад писал: «Историческая эволюция смеется над всеми профилактическими мерами, которые применяются для предупреждения олигархии. Если принимаются законы для контроля над господством вождей, то от этого слабеют законы, а не вожди»¹.

Современный английский элитист Дж. Пэрри дает еще более уничтожающую оценку демократического контроля над властью: «Видимость демократического контроля большинства над господствующим меньшинством обманчива. Меньшинство занимает положение, позволяющее ему манипулировать избирательным процессом в своих собственных интересах с помощью широкой совокупности средств — от прямого насилия над избирателями, через подкуп или изощренное применение пропаганды, до подбора кандидатов. Суверенный избирательный корпус избирает своих вождей только из числа тех лиц, которые приемлемы для элиты»².

Элитисты выдвигают положение о том, что правящая элита господствует над обществом при любом политическом режиме и при любой официальной идеологии. Будучи органическим порождением человеческого общежития, элита приобретает такие качества, как групповое сознание, внутреннее сцепление, общая воля к действию. Элита — это не просто совокупность высокопоставленных лиц, а органическое единство, связанное корпоративным духом. Она самодовлеюща. Доступ в нее возможен лишь на условиях, диктуемых самой элитой. В то же время жизнестойкость элиты определяется ее приспособляемостью и умением обновлять свой состав, если обстоятельства к этому понуждают.

Элита, или по терминологии Гаэтано Моска «**правящий класс**», представляет собой сплоченное, компактное меньшинство, которое полностью монополизирует власть, осуществляет все политические функции и пользуется благами, доставляемыми ее доминирующим положением в обществе. Ключ к власти, учат элитисты, лежит в способности меньшинства к организации. Один человек, как и вся масса, править не может. Этой способностью обладает только организованное меньшинство. Элитисты подчеркивают при этом, что власть обладает кумулятивными³ свойствами, она накапливается и возрастает по мере ее осуществления. Данная власть открывает доступ к еще большей власти.

Правящее меньшинство, пишут элитисты, обладает преимуществами уже потому, что оно меньшинство, а всякое меньшинство лучше организовано, чем большинство, и в

¹ R. Michels, *Political Parties*, Free Press, Glencol, 1915 (repr. 1958), p. 423.

² Geraint Parry, *Political Elites*, London, 1969, p. 81.

³ Способность сосредоточиваться, накапливаться.

этом, по мнению элитистов, источник его силы. Хорошая организация и сплоченность меньшинства обеспечивается такими атрибутами, как собственность, образование, военная выучка, отношение к государственным благам, происхождение, положение в религиозной иерархии и т. д. Огромным преимуществом правящего меньшинства является то, что внутренние каналы связи и информации просты и безотказны, члены его легко общаются. Все это дает возможность быстро принимать решения и осуществлять их. Отсутствие у большинства всех названных качеств превращает его в сырую аморфную массу, не способную к самоорганизации, и поэтому оно всегда пребывало и будет пребывать в положении управляемого. Таким образом, элитисты пытаются увековечить разделение людей на правителей и подвластных, на господ и угнетенных, на эксплуататоров и эксплуатируемых.

Внутренняя сплоченность и организованность правящей элиты вовсе не предполагает ее однородности. Согласно учению элитистов, сама элита делится на высший и низший слои. Оба эти слоя являются органическими частями элиты и друг без друга существовать не могут. Высший слой элиты состоит из правителей в собственном смысле слова, т. е. из тех людей, которые имеют право принимать решения, подлежащие исполнению. Высший слой составляет динамическое ядро элиты.

Низший слой элиты, несравненно более многочисленный, служит опорой для высшего слоя, связующим звеном между ядром элиты и всем обществом. Он играет роль посредника между правителями и управляемыми. Он обеспечивает обратную связь и двусторонний обмен информацией. На него не только возлагается обязанность проводить в жизнь решения правящего ядра элиты, но и объяснять и оправдывать эти решения перед массой.

Таким образом, говорят элитисты, низший слой элиты играет двоякую роль. С одной стороны, он представляет собой тот резервуар, из которого пополняет свои ряды ядро элиты. Каждый новый член элиты попадает сначала в низший слой и затем уже начинает в силу своих способностей и связей продвигаться по иерархической лестнице. С другой стороны, низший слой элиты фактически играет роль исполнительного аппарата по отношению к ее правящему ядру. Иными словами, низший слой элиты — это бюрократия. Здесь элитисты расходятся. Одни считают, что низший слой элиты и бюрократия по своему составу совпадают. Другие учат о том, что бюрократия представляет собой лишь часть низшего слоя элиты. Г. Моска низшим слоем элиты считал весь средний класс общества. В. Парето настолько расширял понятие элиты, что предлагал делить ее на правящую и неправящую. Элитисты придают особое значение именно низшему слою

элиты. Так, Г. Моска считал, что стабильность любой политической системы зависит прежде всего от качеств низшего слоя элиты, а не от «нескольких дюжин лиц, которые контролируют государственную машину». В подтверждение своей мысли он сравнивал элиту с армией: если армия утратит сразу всех генералов — это жестокий удар, но армия от него быстро оправится, так как генералитет можно в короткое время заменить; если армия утратит весь офицерский корпус, то это — крах, армия как таковая перестанет существовать».

Авторы элитарных теорий представительным учреждениям и выборам отводят чисто декоративную роль. Г. Моска считал, например, что современная элита, а под таковой он понимал партийных босов, определяет поведение избирательного корпуса и подбирает кандидатов. «Народные представители», по его словам, не избираются населением, а подбираются элитой, поэтому они играют роль марионеток в руках партийных босов. Однако критика буржуазной демократии нужна элитистам лишь для обоснования своих реакционных концепций. Это критика во имя спасения капитализма.

Авторы элитарных теорий пытаются с чисто идеалистических позиций опровергнуть марксистскую концепцию классово-власти. Они тщатся заменить марксистское понятие экономически и политически господствующего класса понятием правящей элиты, располагающей монополией на силу в обществе. В отличие от марксизма, который видит в массах творца истории, в построениях элитистов массам отведена чисто пассивная роль объекта власти. Элитисты, выдвигая свою схему власти, дали весьма убедительную критику буржуазной демократии. Этим они навлекли на себя гнев плюралистов, которые до сих пор заявляют, что элитисты создали карикатурное изображение буржуазного общества.

Критика элитистами буржуазной демократии — это критика перепуганных мелких буржуа. Они либо признают фактическое неравенство неизбежным состоянием общества, либо пытаются найти выход в различных вариантах аристократического правления. Их предложения проникнуты убеждением в бессилии и даже реакционности масс, в их неумении управлять собой. В этом наиболее отчетливо проявляется антисоциалистическая направленность элитарных теорий.

Элитарные теории тесно примыкают к теориям массового общества и массового государства, получившим распространение в эпоху научно-технической революции и урбанизации.

Исходные положения **теории массового общества** были разработаны еще в начале нынешнего века немецким социологом Максом Вебером, но свое детальное развитие и истолкование она получила в трудах теоретиков католического направления и экзистенциалистов (Эмиль Ледерер, Хосе Ортега-и-Гассет, Пауль Тиллих, Габриель Марсель и др.) в

период между двумя мировыми войнами и особенно в настоящее время. Теоретики этого направления исходят из того, что XIX век верил в прогресс, в науку, в моральное совершенство человека. Его демократические идеи основывались на двух основных посылах: 1) человек существо разумное и стремится к всеобщему благу; 2) достижение эгоистических целей приведет к всеобщей гармонии индивидуальных и общественных интересов. XIX веку была свойственна вера в незыблемость государственных институтов и уважение к государственной власти. Тогда, сетует немецкий ученый Э. Ледерер, в предвоенной Европе никто не помышлял ни о революции, ни о гражданской войне, кроме русских большевиков, о которых мало знали. Традиционные буржуазные политические системы в достаточной степени боялись социализма, чтобы идти на отдельные уступки. Власть была окружена ореолом таинственности, и все предвещало длительный мир... Первая мировая война, заявляет Э. Ледерер, все сломала. Вооруженные массы на фронте и их голодающие родственники в тылу увидели всю слабость и подлость буржуазной государственной власти, которая ради своего спасения была готова идти на любую сделку. Традиционные общественные связи распались, наступил невиданный в истории буржуазного общества кризис. Но Эмиль Ледерер не видит его реальных причин: «В действительности, современный кризис общества... представляет собой не проявление классовой борьбы, а распад прежнего общества вообще и замену его обществом, состоящим из институционализированных масс»¹

Теорию классовой борьбы Э. Ледерер так же, как его многочисленные коллеги, полностью игнорирует. Более того, сама марксистская идея о коммунистическом бесклассовом обществе вызывает у него раздражение. В дальнейших своих построениях Э. Ледерер обосновывает победу фашизма в Германии не только распадом прежних общественных структур, но и животным страхом перед большевизмом и коммунизмом. Он прибегает к откровенной клевете на социализм, когда пытается поставить знак равенства между фашизмом и социализмом.

Массовое общество, по мысли его теоретиков, состоит из аморфных, безликих толп, состоящих из людей, переставших мыслить. Человек в толпе становится ее частью и ведет себя, как вся толпа целиком. На толпу действуют только самые примитивные эмоции — ненависть, национализм, расизм. Толпа сама, одна действовать не может. Ей нужен вождь. И он всегда есть в толпе, его порождает сама ситуация. Этот лидер, — учат теоретики массового общества, — эмоциональный, пламенный человек, не только выражает настроение толпы, но

¹ Emil Lederer, *State of the Masses*, N. Y., 1967, p. 50.

и формирует его, хотя толпа этого не сознает. Вождь толпы — это человек, наделенный харизмой¹, харизматический лидер. Учение о харизме является ключевым в теории массового государства. Харизма — теологическая концепция. Человек, наделенный ею, — это орудие в руках бога (или провидения, судьбы, национального духа), пророк, через которого воля божья не только выражается, но и осуществляется. Истина, провозглашаемая харизматическим лидером, таинственна, она не основана на науке или опыте, она ничего общего не имеет с логикой. Харизматический вождь провозглашает мистическую истину толпе, по отношению к которой он выступает в качестве основателя новой религии. Вождь обожествляется, ему поклоняются. Слова вождя священны. Их нельзя обсуждать, в них нельзя сомневаться, их можно только заучивать наизусть. По отношению к вождю ликующие толпы массового общества выражают только безграничную любовь и преданность. Вождь же использует эти толпы как строительный материал для осуществления высказанных им великих предначертаний. Однако харизматическое напряжение в массах нельзя поддерживать вечно. Рано или поздно массы устают от «героического руководства», начинают понимать, что их просто обманывают, и тогда наступает депрессия, упадок. Это понимают не только теоретики массового общества, но и сами харизматические вожди, прилагающие титанические усилия для того, чтобы поддерживать массы в состоянии искусственного возбуждения. Муссолини заявил в марте 1934 г.: «Режиму угрожает опасность, эту опасность обычно называют «буржуазной идеологией». Это идеология самоуспокоения и приспособленчества, тенденция к скептицизму и соглашательству, любовь к легкой жизни и карьеризм... Кредо фашизма — героизм. Кредо буржуазии — эгоизм. От этой опасности есть единственное средство — перманентная революция»².

Фигура «харизматического вождя», изображаемая теоретиками массового общества, обладает элементами существенного сходства с образом «великого кормчего», созданного официальной китайской пропагандой в период «культурной революции». Нет ничего удивительного в том, что современный антикоммунизм пытается доказать, что гипертрофированный культ личности, подобный китайскому образцу, является непрямым атрибутом социализма. Они клеветают, пытаясь выдать деформации социализма в КНР за общее свойство любого социалистического общества.

Теория массового общества и массового государства, развиваемая в работах современных буржуазных авторов, пред-

¹ Харизма — благодать (с греческого).

² Herbert W. Schneider, *The Fascist Government*, N. Y., 1936, (эпиграф).

ставляет собой упадническую, пессимистическую критику политической системы империализма во имя спасения этой системы. Чудовищная урбанизация и порожденные ею мегалополисы (гигантские города), средства массовой пропаганды, вмешательство государства во все сферы жизни общества, унижение личности, конформизм, преступность, наркомания, распад традиционной системы моральных и политических ценностей — все это правильно подмечается ими, но тенденциозно истолковывается. Болезни, свойственные капитализму, они склонны рассматривать как болезни всего человечества. Рисуемые ими картины современного капиталистического общества и его политической организации поражают своей безнадежностью. Поверить им — грядет не конец капитализма, а конец всего мира.

Пороки современного капиталистического общества настолько очевидны, что скрывать их абсолютно невозможно. Один из главных — постоянный рост преступности. Особенно наглядно это проявляется в США. «Преступление и ужас перед преступлением, — пишет журнал «Тайм», — со все возрастающей силой охватывают улицы наших городов»¹... Приведем официальные американские данные о динамике роста преступности по семи основным видам преступлений (умышленные убийства, изнасилования, разбойные нападения, нападения при отягчающих обстоятельствах, ограбления квартир, крупные хищения и кражи автомобилей). 1960 год — 2 014 600, 1961 — 2 082 400, 1962 — 2 213 600, 1963 — 2 435 900, 1964 — 2 755 000, 1965 — 2 930 200, 1966 — 3 264 200, 1967 — 3 802 300, 1968 — 4 589 000. Таким образом, за 8 лет преступность в США выросла больше, чем в два раза. Это неоспоримое свидетельство кризиса всей политической системы.

Теоретики же массового общества и государства стремятся использовать данные подобного рода для обоснования своих реакционных концепций. Так, профессор социологии Колумбийского университета Даниел Белл пишет, что в современном механизированном обществе (имеется в виду буржуазное общество) все ценности переведены на деньги, стыд и совесть уже не сдерживают самых отвратительных проявлений ужаса, порождаемых одиночеством в толпе гигантского капиталистического города. Растущее отчуждение является прямым результатом массового общества, в котором отношения между людьми утратили свой органический, естественный характер и стали поверхностными. Люди в быстро меняющейся ситуации вынуждены часто менять свои социальные роли, чтобы приспособиться, самоутвердиться и в конечном счете просто выжить, не погибнуть. В этих жутких условиях, заявляет Даниел Белл, возникает потребность в новой вере, чтобы заполнить образо-

¹ Time, August 3, 1970, p. 12.

вавшийся вакуум. «Сцена, таким образом, подготовлена для появления харизматического вождя, мессии века, который, даруя каждому лишь видимость потребной благодати и полноты самосознания, предлагает суррогат, заменяющий старую единую веру, которая была разрушена массовым обществом»¹.

Читая подобные рассуждения, так и хочется сказать их авторам: джентльмены, все это уже было. Было богоискательство, богостроительство, было ожидание спасителя на белом коне, был вакуум, но он был заполнен не новой верой, дарованной харизматическим вождем, а Октябрьской социалистической революцией, установившей диктатуру пролетариата.

Теоретики массового общества полностью исчерпали свою веру в буржуазную демократию и ее институты, но в то же время они боятся грядущей социалистической революции. Ради спасения капитализма они готовы пожертвовать всем его демократическим достоинством, ввести диктатуру боговдохновенного тирана. А это очень близко к фашизму.

Теория плебисцитарной демократии, получившая распространение в 60-е годы, исходит из совершенно искусственного, противоречащего действительности положения о том, что единственным признаком, объединяющим страны в родственные группы, является степень их промышленного развития, а не классовый характер общественного строя. Исходя из этой ложной посылки, они сводят в одну группу «высокоразвитых стран» США и СССР, Францию и Чехословакию, Великобританию и Венгрию, совершенно игнорируя классовую сущность власти в этих странах.

Согласно взглядам теоретиков плебисцитарной демократии, во всех этих странах существуют авторитарные режимы, а у власти находятся промышленные, финансовые, военные и партийные группы. Управление в этих странах осуществляется технократами, а средства массовой коммуникации полностью монополизированы элитами для мобилизации масс и контроля за их поведением. Однако плебисцитарные демократы, в отличие от элитистов, не считают авторитаризм конечным продуктом развития цивилизации. Их пророчество носит более «оптимистический» характер. Современный авторитаризм, учат они, является переходным периодом, подобно тому как авторитаризм абсолютных монархов был переходным периодом к демократии XIX столетия. К чему же идет современное человечество? К плебисцитарной демократии, отвечают апологеты капитализма.

В вопросе отношения к государственной власти сторонники теории плебисцитарной демократии не только соглашались с элитистами, но и идут дальше их. Они заявляют, что носителем государственной власти является не правящая элита, а

¹ Linkage Politics. Edit by James Rosenau, N. Y., 1969, p. 64.

одно лицо — вождь. С их точки зрения, идеальной моделью плебисцитарной демократии является та политическая система, которая была создана в свое время генералом Шарлем де Голлем. Именно ему, заявляют они, впервые удалось осуществить на практике идею плебисцитарной демократии. Предшествующие попытки, оказывается, были неудачными.

Идеализация политической системы V Республики Франции проходит красной нитью через всю теорию плебисцитарной демократии. Стержнем проектируемой ими политической системы являются динамичный вождь, выражающий дух нации, и народ, к которому он обращается лишь тогда, когда считает необходимым заручиться его поддержкой.

Буржуазные идеологи заявляют, что одной из важнейших предпосылок перехода человечества к плебисцитарной демократии является необычайная сложность проблем, с которыми имеет дело государственная власть эпохи научно-технической революции. Осуществление современных процессов управления требует высокой профессиональной специализации, что под силу только широко разветвленному и всеохватывающему бюрократическому аппарату, который уже оформился во всех высокоразвитых буржуазных странах. Бюрократия перестала играть роль вспомогательной подсистемы, через которую центральная власть реализует свои решения. Бюрократия, говорят они, стала независимой, самодовлеющей системой, которая работает сама на себя и развивается согласно своим собственным закономерностям. Строго формализованные (регулируемые нормами права) процессы, осуществляемые современной бюрократией, предполагают наличие стабильной законности, а это, мол, автоматически исключает проявление любых крайностей как правого, так и левого толка.

Таким образом, по теории плебисцитарной демократии идеально организованная и тщательно отрегулированная бюрократия превращается в основной элемент всей политической системы в любом высокоразвитом буржуазном государстве. Она исключает террор, порождает господство права, т. е. правление посредством права, и создает так называемое административное государство, которое, преодолевая авторитаризм, превращается в исторически новую разновидность демократии — плебисцитарную демократию. Профессиональные администраторы, составляющие бюрократию, превращаются в наднациональную внеклассовую касту технократов¹, одинаково невосприимчивую как к идеологии, так и к идейности.

¹ Технократия — буржуазная теория, согласно которой преобразование капиталистического общества представляется не как революционное низвержение эксплуататорских классов, а как передача власти технической интеллигенции и бизнесменам (технократам). См. Краткий политический словарь. М., Политиздат, 1971.

Проповедники плебисцитарной демократии используют в своих интересах и превратно истолковывают бесспорно существующую во всех империалистических странах концентрацию государственной власти, сопровождающуюся одновременно упадком как центральных, так и местных представительных учреждений. Справедливо характеризуя эти процессы как авторитаризм и олигархию, буржуазные ученые делают из этого нужный им вывод о том, что они подготавливают почву для установления плебисцитарной демократии. Следовательно, их критицизм глубоко реакционен. Сторонники плебисцитарной демократии моделируют такую политическую систему, в которой нет места ни парламентам, ни муниципалитетам. Здесь мы обнаруживаем тот же подход, что и к демократии в целом. Марксисты борются за революционное преобразование буржуазной демократии, за замену ее демократией социалистической, а различного рода пророки буржуазии видят выход только в той либо иной системе тоталитаризма, задрапированной плебисцитарными институтами.

Плебисцитарные демократы пытаются навязать человечеству такую политическую систему, в рамках которой народу отводится роль толпы, одобряющей решения боговдохновенного вождя, а осуществление этих решений передается в руки профессиональной бюрократии. Они пытаются обнаружить материальные и духовные предпосылки для перехода к такой «демократии» даже в социалистических странах. Не удивительно, что «казарменный социализм», навязанный китайскому народу кликой Мао Цзэ-дуна, одобряется не только буржуазными теоретиками, но и государственными деятелями империализма. Недаром, как сообщает печать США, все члены американской делегации в Пекине расхаживали со значками, изображающими «великого кормчего».

Теория плебисцитарной демократии представляет собой своеобразное сочетание критики политической системы империализма с попыткой навязать социализму «всеобщую» модель авторитарной государственности. Эта модернистская разновидность антикоммунизма свидетельствует о полном неверии некоторых групп идеологов капитализма в жизнеспособность буржуазных либерально-парламентарных институтов в современном мире. По сути своей она весьма реакционна и антигуманна, так как предлагаемая ею политическая система очень близка к фашизму. Классово-субъективная сторона теории плебисцитарной демократии характеризуется страхом и бессилием перед надвигающимся социалистическим будущим человечества. Стремление авторов этой теории втянуть социалистические страны в моделируемую ими плебисцитарную разновидность авторитаризма есть лишь очередная идеологическая диверсия империализма. Умиравший хватается за живого.

Глава IV. НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ АНТИКОММУНИСТИЧЕСКОЙ «КРИТИКИ» СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

Антикоммунистическая «критика» социалистической демократии ставит своей целью дискредитацию социалистической демократии. Конечной целью любой антикоммунистической критики политических систем социалистических стран является реставрация капитализма, замена социалистической демократии буржуазной. Формы антикоммунистической критики социалистической демократии могут меняться, но сущность ее всегда остается неизменной. «Буржуазные идеологи, ревизионисты лицемерно сетуют по поводу того, будто у нас отсутствует демократия. Они преподносят нам всякого рода «советы» относительно «улучшения» социализма, его «демократизации». Но заботятся они, конечно, не о социализме. Они хотели бы вернуть нас к буржуазным порядкам и поэтому пытаются навязать свою буржуазную демократию, демократию для эксплуататоров, чуждую интересам народа»¹.

Современная «советология», представляющая собой особое направление антикоммунизма, имеет непосредственной задачей «критику» советской демократии, советской политической системы. Эта разновидность идеологической диверсии, направленной против Советского Союза, осуществляется через широко разветвленную и щедро финансируемую империалистическими державами сеть учреждений. В ее состав входят различного рода пропагандистские и специальные службы, государственные и «общественные» институты, многочисленные исследовательские центры. Назовем некоторые из них: в США — Гуверовский институт «войны, революции и мира», Центр русских исследований Гарвардского университета, Русский институт Колумбийского университета, Центр стратегических исследований при Джорджтаунском университете, в ФРГ — Институт по изучению СССР (Мюнхен), Федеральный институт по изучению Востока и международных отношений (Кельн), в Великобритании — Среднеазиатский исследовательский центр (Лондон) и многие другие. Главной базой «советологии» и антикоммунизма являются Соединенные Штаты Америки, на территории которых подвизаются около 150 «учреждений», ведущих идеологическую войну против Советского Союза и международного коммунистического движения². «Ударной силой» антисоветизма является международный сионизм. Особый «вклад» в антисоветизм вносят правые социал-демократы, ревизионисты различного толка, которые при этом зачастую непосредственно смыкаются с ультрареак-

¹ Материалы XXIV съезда КПСС, стр. 82.

² См. «Проблемы мира и социализма», 1971, № 2, стр. 80.

ционными империалистическими силами¹. Советологи издают десятки журналов, тысячи книг и брошюр, к их услугам печать, радио, телевидение, кино, театр. Антикоммунистические «критики» советской демократии (для краткости мы их будем называть «советологами», т. е. так, как они сами себя величают. — А. М.) второй половины XX столетия отказались в большинстве своем от грубого, «лобового» подхода и развязного тона, который был свойствен их старшим коллегам. Они стараются придать своим антисоветским писаниям внешне объективный характер, пользуются наукообразной терминологией.

Подобное изменение тона и методологии не является случайным. Нынешние советологи поняли тщетность лобовых атак на советскую демократию и предпочитают действовать тихой сапой. Буржуазная идеология, как и сам капитализм, приспосабливается к новым условиям, меняет тактику, но стратегические цели ее остаются прежними.

Наибольшую активность в деле антикоммунистической критики развивают американские советологи (З. Бржежинский, Дж. Хазард, С. Липсет, Г. Зинк, К. Коулгров, С. Хантингтон, В. Росту и многие другие). Излюбленный прием, к которому они прибегают в последние годы, — это сравнительный анализ, сопоставление политических систем США и Советского Союза с целью «объективного» установления недостатков и преимуществ каждой из них. Так, Збигнев Бржежинский и Самуэль Хантингтон в своей обширной работе «Политическая власть: США — СССР» ставят перед собой три основных вопроса: 1. Каково принципиальное различие и сходство американской и советской политических систем? 2. В чем сила и слабость каждой из этих политических систем? 3. Сближаются ли эти политические системы?

Авторы вышеупомянутой работы подразделяют все политические системы на две группы. **Инструментальные политические системы** выражают действительный порядок, существующий в обществе, защищают этот порядок и способствуют развитию общества по естественно установленному, неколебимому пути. **Идеологические политические системы** создаются лидерами в соответствии с придуманными ими схемами для построения нового общества, которое должно развиваться по пути, предписанному официальной идеологией. Внимательный читатель уже понял, что, по мнению этих авторов, политическая система США является инструментальной, а политическая система СССР — идеологической. Отсюда и первый вывод, предлагаемый американскими советологами своей аудитории, — политическая система США является естественной и развивается в соответствии с естественными законами, а по-

¹ См. «Проблемы мира и социализма», стр. 80.

литическая система СССР является искусственной, навязанной народу вождями, пути ее развития предписываются сверху. Всякое сомнение в непредвзятости авторов улетучивается, когда они вводят дополнительные характеристики сконструированных ими политических систем. Идеологические политические системы поддерживают с обществом отношения на основе контроля, подчинения и мобилизации масс в нужном власти направлении. Инструментальные же политические системы поддерживают отношения с обществом на основе взаимного участия и сотрудничества.

Современные советологи полностью раскрывают свои карты, когда они заявляют, что к группе идеологических политических систем относятся политические системы социалистических стран и... фашистских. Здесь мы сталкиваемся с клеветническим утверждением советологов о том, что они в своих построениях ставят на одну доску фашизм и социализм, объединяя их под общим родовым понятием тоталитарного государства, т. е. государства, подчиняющего абсолютному контролю все сферы деятельности общества и индивидуума.

Ставя знак равенства между социализмом и фашизмом, они пытаются убить сразу двух зайцев: противопоставить капитализм фашизму и оклеветать социалистическую демократию.

На самом деле фашизм есть открыто террористическая диктатура монополистического капитала. Он может возникнуть только в буржуазных странах, в эпоху общего кризиса капитализма. Особая опасность фашизма состоит в том, что он рядится под социализм, сознательно заимствует некоторые внешние черты социалистической государственности. Одновременно он ведет демагогическую борьбу против буржуазной демократии и парламентаризма. Подобного рода социально-политическая мимикрия применяется фашизмом для того, чтобы перетянуть на свою сторону те элементы трудящихся, которые стихийно тянутся к социализму, но не обладают еще достаточной политической опытностью и сознательностью.

Антикоммунистическая сущность фашизма проявляется в том, что все свои силы он бросает против социализма, стремится путем военного нападения ликвидировать его завоевания.

Опыт недавней истории учит, что гитлеровцы при поддержке империалистических государств пытались осуществить это в 1941 году. Как известно, Великая Отечественная война закончилась победой советского народа, полным разгромом гитлеровской Германии и ее сателлитов.

Значительное место в теориях советологов занимают рассуждения о том, что «социалистический тоталитаризм» предопределен органическими качествами самого рабочего класса, который, мол, в силу самого своего социального положения

склонен к реакции, подавлению инакомыслия, антиинтеллектуализму и шовинизму. Они утверждают, что к демократии способны только состоятельные и образованные слои общества, так сказать «чистая публика». Пролетарии же, утверждают буржуазные идеологи, не склонны к демократии.

Из мнимого «авторитаризма» рабочего класса антикоммунисты делают вывод о том, что власть рабочего класса не может не быть авторитарной. В подтверждение своих слов они приводят цитаты о диктатуре пролетариата. А раз диктатура, учат они, то ни о какой демократии и речи быть не может.

Приведенная «концепция» о «социалистическом тоталитаризме» лжива. В ней отчетливо проявляется страх буржуазии перед властью трудящихся, которая является диктаторской против эксплуататорского меньшинства и демократической для трудящегося большинства. «Сущность Советской власти, — подчеркивал В. И. Ленин, — состоит в том, что постоянной и единственной основой всей государственной власти, всего государственного аппарата является массовая организация именно тех классов, которые были угнетены капитализмом... Именно те массы, которые даже в самых демократических буржуазных республиках, будучи равноправны по закону, на деле тысячами приемов и уловок отстранялись от участия в политической жизни и от пользования демократическими правами и свободами, привлекаются теперь к постоянному и непременному, притом решающему, участию в демократическом управлении государством»¹.

Господа советологи крайне недовольны тем, что во всех органах власти социалистических стран, и прежде всего Советского Союза, рабочие и крестьяне занимают место, достойное их положения в обществе, чего, как известно, нет ни в одной буржуазной стране. Обратимся к фактам. В Верховных Советах союзных и автономных республик рабочие и колхозное крестьянство в настоящее время составляют 50,4% и 47,9%, а в местных Советах — 65,3%. По республикам удельный вес рабочих и колхозного крестьянства в местных Советах в июне 1971 года составил: в РСФСР — 62,1%; в Украинской ССР — 71,9%; в Белорусской ССР — 63,2%; в Казахской ССР — 65,2%; в Грузинской ССР — 65,3%; в Азербайджанской ССР — 65,6%; в Литовской ССР — 62,7%; в Киргизской ССР — 67,7%; в Молдавской ССР — 65,8%; в Латвийской ССР — 65,2%; в Таджикской ССР — 67,9%; в Армянской ССР — 67,4%, в Туркменской ССР — 67,6% и Эстонской ССР — 61,6%². А в Конгрессе США, например, за весь послевоенный период не было ни одного рабочего и мелкого фермера. Естественно, что подлинно демократический состав социа-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 500.

² «Правда», 20 июня 1971 г.

листических представительных учреждений не может не вызывать раздражения у тех, кто привык видеть в стенах буржуазных парламентов либо предпринимателей, либо профессиональных политиков, находящихся у них на содержании.

Советологи и антикоммунисты всех мастей прилагают титанические усилия для того, чтобы всеми доступными им способами порочить коммунистическое учение партии рабочего класса и социалистическую государственность. За неимением аргументов обращаются к услугам психоаналитиков и просто политических шарлатанов. Пытаются даже проповедовать идею о том, что коммунизму подвержены лишь люди ущербные, психически неполноценные, с тяжелой наследственностью. Американский политолог Гебриэль Элмонд опубликовал статью «Коммунистический призыв», в которой договорился до следующего: «...Коммунизм особенно привлекателен для тех лиц, которые испытывают чувство слабости и неполноценности, являющиеся последствиями печального опыта раннего детства, а также для тех лиц, которые по тем либо иным причинам были выброшены из своего окружения»¹.

Монополистический капитал испытывает смертельный страх перед пролетариатом, поэтому и клеветает на него. «Сегодня, как и вчера,— говорится в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду,— роль испытанного боевого авангарда революционных сил играет **международное рабочее движение**. События последнего пятилетия в капиталистическом мире в полной мере подтвердили значение рабочего класса, как главного и наиболее сильного противника власти монополий, как центра притяжения всех антимонаполистических сил»².

В центре внимания нынешних советологов, как и их предшественников, находится Коммунистическая партия Советского Союза и Советы. Они всячески развивают и обосновывают, пользуясь собственными им доказательствами, тезис о том, что в Советском Союзе, как и в других социалистических странах, существует «двойной аппарат власти». Реальный аппарат власти, утверждают они,— это коммунистическая партия. Советы якобы являются мнимым аппаратом власти и играют роль фасада государства. Таким образом, советология фактически берет на вооружение старую троцкистскую теорию о «диктатуре партии», которая много лет назад была разоблачена.

Руководящая роль Коммунистической партии сложилась еще в предреволюционный период. Установив свою диктатуру, российский пролетариат, естественно, не мог отказаться от Коммунистической партии, ибо он нуждался в такой политической организации, которая бы вела и направляла его в борь-

¹ «Comparative Politics». Homewood, Illinois, 1961, p. 56.

² Материалы XXIV съезда КПСС, стр. 17.

бе за построение первого в мире социалистического государства. В. И. Ленин учил: «Только политическая партия рабочего класса, т. е. Коммунистическая партия, в состоянии объединить, воспитать, организовать такой авангард пролетариата и всей трудящейся массы, который один в состоянии противостоять неизбежным мелкобуржуазным колебаниям этой массы, неизбежным традициям и рецидивам профессионалистской узости или профессионалистских предрассудков среди пролетариата и руководить всей объединенной деятельностью всего пролетариата, т. е. руководить им политически, а через него руководить всеми трудящимися массами»¹.

Руководящая роль Коммунистической партии в отношении всех государственных и общественных организаций, составляющих нашу политическую систему, осуществляется не государственными методами. Коммунистическая партия отнюдь не принимает законов, не издает иных нормативных актов. Это функция Советов и их исполнительного аппарата. Коммунистическая партия разрабатывает основные направления внутренней и внешней политики, осуществляет контроль за их исполнением, подбирает и расставляет кадры в соответствии с их деловыми и политическими качествами. Важнейшим направлением в осуществлении руководящей роли Коммунистической партии является идеологическая деятельность, направленная на коммунистическое воспитание трудящихся. Коммунистическая партия — это не государство, как утверждают буржуазные идеологи, а его руководящее ядро.

За рассуждениями буржуазных идеологов о «диктатуре коммунистической партии» скрывается желание опорочить социалистическую представительную систему, выдать ее за фасад «подлинной, скрытой государственности». Советологи пытаются противопоставить представительной системе Советского Союза свою, узкоклассовую представительную систему, органические пороки которой им становится все труднее скрывать.

Действующая в Советском Союзе система представительных учреждений — от Верховного Совета СССР и Верховных Советов Союзных Республик до сельских и поселковых Советов — представляет собой политическую основу Советского государства. Советы есть подлинные органы народовластия. «Народовластие в нашей стране находит свое выражение прежде всего в Советах»...² Советы, как и представительные учреждения других социалистических стран, принципиально, по существу своей, отличаются от представительных учреждений буржуазного общества.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 94.

² 50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Тезисы ЦК КПСС. М., Политиздат, 1967, стр. 39.

Во-первых, по своему составу. В Советах работают депутаты, представляющие все классы и группы советского общества — рабочие, крестьяне, интеллигенция, военнослужащие и т. д. Это общеизвестно. Сошлемся лишь на социальный состав депутатов Верховного Совета СССР восьмого созыва, избранного в 1970 году: из 1517 депутатов — 763 (50,3%) составляют рабочие и колхозное крестьянство. Такого социального состава не знает ни один буржуазный парламент.

В свое время русская буржуазия (как и всякая другая) с презрением отвергала самую мысль о возможности участия рабочих в управлении государством. Буржуазная газета «Новое время» писала в сентябре 1917 г. за несколько дней до революции: «Допустим на минуту, что большевики победят. Кто будет управлять нами тогда? Может быть, повара, эти знатоки котлет и бифштексов? Или пожарные? Конюхи, кочегары? Или, может быть, няньки побегут на заседание Государственного совета в промежутки между стирками пеленок? Кто же? Кто эти государственные деятели? Может быть, слесари будут заботиться о театрах, водопроводчики — о дипломатии, а столяры — о почте и телеграфе? Может быть, конюхи станут губернаторами? Может быть, няньки будут давать интервью?... Конюхи, няньки, кухарки — вот те, кто, по мысли большевиков, призван, очевидно, управлять нашей страной. Будет ли это? Нет! Возможно ли это? На такой сумасшедший вопрос большевикам властно ответит история».

История, как известно, ответила на этот «сумасшедший вопрос»...

«Современный советский рабочий класс, — говорил товарищ Л. И. Брежнев на XV съезде профессиональных союзов СССР, — отличается не только от дореволюционного пролетариата, но и от рабочего класса 30-х годов... Возросла его роль как ведущей социально-политической и экономической силы общества... За годы Советской власти рабочий класс увеличился в 6 раз и составляет сейчас около 65 млн. человек... Коренным образом изменился общеобразовательный и профессиональный уровень рабочих... Достаточно сказать, что только с 1939 года число рабочих, имеющих полное среднее образование — специальное или общее, возросло более чем в 30 раз»¹. Современный советский рабочий по своему культурному уровню нередко выше тех российских капиталистов, которые эксплуатировали его дедов 55 лет тому назад.

Во-вторых, Советы — массовые, подлинно народные учреждения. Достаточно сказать, что за четверть века, истекшие с

¹ Брежнев Л. И. Решения XXIV съезда КПСС — боевая программа деятельности советских профсоюзов. М., Политиздат, 1972, стр. 14.

момента окончания Великой Отечественной войны, через Советы всех ступеней прошло свыше 20 миллионов трудящихся. В настоящее время в Советском Союзе насчитывается около двух миллионов депутатов. Около 25 миллионов советских граждан входят в состав актива, оказывающего повседневную помощь в работе Советов.

В-третьих. Советы не являются профессиональными законодательными учреждениями, лишенными всех других полномочий. Поэтому Советы не заседают по 6—8 месяцев в году, а собираются на регулярные короткие и деловые сессии. Депутаты принимают законы и разъезжаются на места для претворения их в жизнь.

Выступая в марте 1919 г. на I Конгрессе Коммунистического Интернационала, В. И. Ленин говорил: «Старая, т. е. буржуазная, демократия и парламентаризм были организованы так, что именно массы трудящихся всего более были отчуждены от аппарата управления. Советская власть, т. е. диктатура пролетариата, напротив, построена так, чтобы сблизить массы трудящихся с аппаратом управления. Той же цели служит соединение законодательной и исполнительной власти при советской организации государства...¹

Советы являются представительными учреждениями советского общества, выражающими и осуществляющими волю народа как в общегосударственных масштабах, так и на местах. А вот советологи этого «не замечают».

Законодательная деятельность в СССР коренным образом отличается от законодательного процесса в буржуазных странах, где он фактически осуществляется правительствами, а оформляется парламентами. В нашей стране сам народ прямо или через своих представителей участвует в принятии законов и их исполнении. Практика предварительной публикации законопроектов и их всенародного обсуждения создает широкие возможности для трудящихся вносить свои предложения, которые всегда учитываются. В таком порядке, например, был принят Закон о государственных пенсиях и другие. К работе постоянных комиссий палат Верховного Совета СССР привлекаются представители тех организаций и коллективов, которые заинтересованы в принятии данного законопроекта. С этой целью комиссии палат создают специальные подкомиссии. Так, в состав подкомиссии по разработке проекта Основ исправительно-трудового законодательства входило 40 членов, в том числе специалисты и практические работники².

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 500.

² См. Д. А. Керимов, Б. М. Чехарин. Социалистическая демократия и современная идеологическая борьба. М., «Юридическая литература», 1970, стр. 120—121.

В-четвертых, Советская власть полностью отказалась от присущего буржуазной государственности противопоставления центральных органов государственной власти местным органам управления (муниципалитетам). Все Советы депутатов трудящихся — от Верховного Совета СССР до сельского и поселкового Совета — представляют собой звенья единой системы органов государственной власти. В качественном отношении Советы различаются только территориальными масштабами их деятельности. В этом смысле нет разницы между Верховным Советом СССР и местным Советом, ибо все они — органы власти. В буржуазных же странах муниципалитеты, несмотря на их органическую связь со всей системой гражданской бюрократии, продолжают противопоставляться центральной власти. Муниципалитеты полностью лишены политических функций (они являются местными органами управления, а не власти) и занимают подчиненное по отношению к центральной власти положение в политической системе буржуазного государства.

Немало усилий советологи прилагают для того, чтобы опорочить и извратить процедуру и характер выборов представительных учреждений в СССР и других социалистических странах. Особое неудовольствие этих господ вызывает то, что в Советском Союзе нет конкуренции кандидатов на выборах и все они представляют единый блок коммунистов и беспартийных. Отсутствие в нашей стране привычной для буржуазных стран избирательной борьбы различных политических партий является тем аргументом, с помощью которого они пытаются доказать антидемократизм выборов в Советском Союзе, либо вообще не считают выборами ту процедуру формирования Съездов, которая предусмотрена Конституцией СССР 1936 года и Положениями о выборах.

Буржуазные идеологи пытаются механически сравнивать, сопоставлять выборы в буржуазных странах с выборами в Советском Союзе, причем за модель они принимают свои собственные выборы. Выборы в СССР и в буржуазных странах принципиально, коренным образом отличаются друг от друга прежде всего потому, что они проводятся в государствах, различных по своей классовой сущности.

Выборы в буржуазных странах представляют собой один из способов выражения и осуществления классовых противоречий, существующих в любом буржуазном обществе: антагонистических (между пролетариатом и буржуазией) и неантагонистических, т. е. внутриклассовых. В ходе выборов буржуазные политические партии применяют все доступные им средства для того, чтобы не допустить представителей рабочего класса в парламенты и муниципалитеты. В ходе избирательных кампаний буржуазией используются в интересах ее кандидатов все методы идеологического давления,

подкуп, мошенничество. В. И. Ленин так писал о буржуазных выборах: «Без выборов в наш век нельзя; без масс не обойтись, а массы в эпоху книгопечатания и парламентаризма *нельзя* вести за собой без широко разветвленной, систематически проведенной, прочно оборудованной системы лести, лжи, мошенничества, жонглерства,... обещания направо и налево любых реформ и любых благ рабочим,— лишь бы они отказались от революционной борьбы за свержение буржуазии»¹.

Смена у власти буржуазных партий не меняет классово-эксплуататорского характера самой государственной власти, не изменяет положения трудящихся масс. Восемьдесят лет назад Ф. Энгельс дал следующую оценку американской двухпартийной системы: «...Мы видим там две большие банды политических спекулянтов, которые попеременно забирают в свои руки государственную власть и эксплуатируют ее при помощи самых грязных средств и для самых грязных целей, а нация бессильна против этих двух больших картелей политиков, которые якобы находятся у нее на службе, а в действительности господствуют над ней и грабят ее»².

Выборы в Советском Союзе, в условиях, когда полностью ликвидированы эксплуататорские классы, когда сложилось морально-политическое единство советского общества, представляют собой форму наиболее массового, поголовного участия всего народа в управлении общенародным государством. Принципиально иной, коренным образом отличный от буржуазного, характер выборов в нашей стране определяется прежде всего самой сущностью социалистической демократии. В. И. Ленин сказал об этом так: «Социалистический характер демократизма Советского, — то есть *пролетарского*, в его конкретном, данном, применении,— состоит, во-первых, в том, что избирателями являются трудящиеся и эксплуатируемые массы, буржуазия исключается; во-вторых, в том, что всякие бюрократические формальности и ограничения выборов отпадают, массы сами определяют порядок и сроки выборов, при полной свободе отзыва выбранных; в-третьих, что создается наилучшая массовая организация авангарда трудящихся, крупнопромышленного пролетариата, позволяющая ему руководить наиболее широкими массами эксплуатируемых, втягивать их в самостоятельную политическую жизнь, воспитывать их политически на их собственном опыте, что таким образом впервые делается приступ к тому, чтобы действительно *поголовно* население училось управлять и начинало управлять.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 176.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 200.

Таковы : главные отличительные признаки получившего применение в России демократизма, являющегося более высоким *типом* демократизма, разрывом с буржуазным искажением его, переходом к социалистическому демократизму»¹.

В последующие полвека советская демократия и советская избирательная система совершенствовались и улучшались в соответствии с потребностями социалистического и коммунистического строительства.

Советское избирательное право знает только два ценза: возрастной — голосуют все граждане с 18 лет; и лишение умалишенных избирательных прав по суду.

Таким образом, установленные советским законодательством цензовые ограничения носят естественный, а не социальный характер, так как ни малолетние, ни умалишенные голосовать не могут. Отсутствие классовых цензов (оседлости, грамотности, образования), подлинная всеобщность принципиально отличают советское избирательное право от буржуазного, которое обычно содержит такие заградительные нормы, которые значительно сокращают численность избирательного корпуса. Кроме этого, в буржуазных странах действуют различного рода фактические ограничения (расовые, национальные, политические), применение которых не регулируется законодательством (за исключением ЮАР и Южной Родезии).

После принятия Конституции СССР 1936 года в нашей стране были отменены некоторые временные ограничения избирательных прав, установленные в предшествующий период, и введены новое избирательное право и новая избирательная система, применение которых регламентируется Положением о выборах в Верховный Совет СССР и аналогичными республиканскими положениями.

Основные особенности действующей избирательной системы в СССР сводятся к следующему. Кандидаты в депутаты Советов выдвигаются общественными организациями и обществами трудящихся, а именно: «Коммунистическими партийными организациями, профессиональными союзами, кооперативами, организациями молодежи, культурными обществами» (ст. 141 Конституции СССР).

Согласно действующему у нас законодательству, выдвижение кандидатов в депутаты производится по производственному признаку в соответствующем избирательном округе.

Выдвижение кандидатов в депутаты Советов всех уровней представляет собой важнейший этап избирательной кампании в СССР. В этой демократической процедуре участвуют миллионы советских граждан, отбирая лучших своих представителей. Хотя советское избирательное законодательство

¹ В. И. Ленин Полн. собр. соч., т. 36, стр. 203—204.

не ограничивает количества кандидатов, выдвигаемых от одного избирательного округа, практика пошла по иному пути. Общественные организации заранее договариваются и представляют для регистрации в окружную избирательную комиссию одного кандидата — кандидата блока коммунистов и беспартийных.

Подлинный демократизм советской избирательной системы обеспечивается тем, что деятельность депутата определяется наказом избирателей, а сам он может быть отозван, если не оправдает доверия своих избирателей или совершит действия, не совместимые с высоким званием депутата. Императивного мандата (связанность депутата наказами избирателей) и права отзыва не существует на парламентском уровне ни в одной буржуазной стране мира. А именно в этом, в праве отзыва, и состоит, как указывал В. И. Ленин, «основное принципиальное положение истинного демократизма»¹. Буржуазный депутат практически не связан волей избирателей, так как он формально считается представителем всего народа и отозвать его нельзя. Советский закон ставит депутата в зависимость от воли избирателя. Достаточно сказать, что только в 1968 г. избиратели отзывали 541 депутата местных Советов.

Советская политическая система, органической частью которой является избирательная система, есть живой, растущий, развивающийся организм, в котором постоянно что-то отмирает, а что-то зарождается вновь. Этот процесс не носит стихийного характера. Он направляется в соответствии с марксистско-ленинской теорией и потребностями советского общества Коммунистической партией Советского Союза.

Совершенствование различных звеньев советской политической системы всегда находилось и находится в центре внимания нашего народа и его Коммунистической партии. «Партия провела в течение отчетного периода, — говорится в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду КПСС, — значительную и весьма разностороннюю работу по дальнейшему укреплению Советского государства и совершенствованию всей политической организации нашего общества. Главным направлением этой деятельности — в соответствии с задачами коммунистического строительства — было и остается дальнейшее развитие социалистической демократии»².

На XXIV съезде КПСС отмечалось, что за годы, прошедшие с момента окончания работы XXIII съезда партии, была проделана большая работа по повышению роли Советов — органов народной власти. С этой целью были расширены права районных, городских, сельских и поселковых Советов,

¹ Декреты Советской власти. Т. 1. М., Госполитиздат, 1957, стр. 115.

² Материалы XXIV съезда КПСС, стр. 77.

в том числе в такой важной области, как координация в пределах своей компетенции работы предприятий и хозяйственных организаций, расположенных на их территории. Был осуществлен ряд мероприятий, направленных на укрепление материально-финансовой базы Советов, пополнение их аппарата квалифицированными кадрами.

Принятые 19 марта 1971 г. Указы «Об основных правах и обязанностях районных Советов депутатов трудящихся» и «Об основных правах и обязанностях городских и районных в городах Советов депутатов трудящихся» законодательно оформили расширение компетенции Советов этого звена. На Третьей сессии Верховного Совета СССР Восьмого созыва в связи с утверждением этих указов отмечалось, что законодательное закрепление прав и обязанностей районных и городских Советов депутатов трудящихся будет способствовать дальнейшему усилению их влияния на осуществление задач государственного, хозяйственного и социально-культурного строительства, повышению инициативы и ответственности за решение плановых и финансовых вопросов, дальнейшему развитию демократических принципов деятельности Советов.

Верховный Совет СССР и Верховные Советы Союзных Республик усилили контроль за работой министерств и ведомств, за положением дел на основных участках хозяйственного и культурного строительства. XXIV съезд КПСС наметил ряд мероприятий по дальнейшему совершенствованию всей системы социалистической демократии.

«Вся политическая система общества, постоянно растущая инициатива трудящихся поставлены у нас на службу строительству коммунизма. Такая демократия — это для нас жизненная потребность, необходимое условие развития и укрепления социалистических общественных отношений.

Партия проявляет неустанную заботу о том, чтобы наша социалистическая демократия постоянно развивалась, чтобы каждый чувствовал себя гражданином в полном смысле этого слова, заинтересованным в общенародном деле и несущим за него свою долю ответственности. Партия и впредь будет последовательно проводить именно этот курс»¹.

Советская демократия не только открыла доступ трудящимся ко всем органам государственной власти и управления, она создала труженику реальные условия для развития всех его духовных и физических качеств, для его всестороннего совершенствования. Величайшим завоеванием советской демократии являются социальное страхование, охрана прав трудящихся, бесплатное медицинское обслуживание, пенсионирование, бесплатное среднее и высшее образование, гигантская сеть санаториев, домов отдыха, детских садов,

¹ Материалы XXIV съезда КПСС, стр. 82.

яслей и т. д. Советский гражданин ко всему этому уже привык, так как это составляет органическую часть его социалистического образа жизни. А за рубежом, в странах капитала, все это составляет объект классовой борьбы пролетариата. Именно реальные, материальные завоевания советского человека производят революционизирующее воздействие на сознание трудящихся, испытывающих на себе все «прелести» капиталистической демократии. «В развитии международного рабочего движения,— сказал товарищ Л. И. Брежнев,— большую роль всегда играла сила примера, которую рождает социализм. Ведь это факт, что достижения Советской власти в области социального обеспечения, охраны прав трудящихся стали вдохновляющим стимулом для рабочих за рубежом в их классовой борьбе против эксплуатации и капиталистического гнета»¹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вопреки лживым утверждениям антикоммунистов всех мастей рабочий класс и его политические партии всегда боролись и борются за демократию и свободу. Эта борьба велась и ведется по двум генеральным направлениям, сливающимся в единое русло мирового революционного процесса.

Стратегически, т. е. с точки зрения конечных целей рабочего класса, ведется борьба за победу социалистической революции и тем самым против буржуазного государства и буржуазной демократии, которые будут заменены социалистическим государством и социалистической демократией.

Тактически, т. е. с точки зрения ближайших целей рабочего класса, ведется борьба за расширение и развитие буржуазной демократии в интересах трудящихся, борьба против фашистской угрозы, против любых попыток со стороны реакционной буржуазии заменить буржуазную демократию той либо иной формой авторитаризма.

Борьба пролетариата за мир, демократию и социализм наталкивается на яростное сопротивление империалистической буржуазии, которая является главной реакционной силой, препятствующей поступательному развитию человечества. Более пятидесяти лет назад В. И. Ленин писал: «Куда ни кинь — на каждом шагу встречаешь задачи, которые человечество вполне в состоянии разрешить *немедленно*. Мешает капитализм. Он накопил груды богатства — и сделал людей *рабами* этого богатства... Цивилизация, свобода и богатство

¹ «Известия», 20 марта 1972 года.

при капитализме вызывают мысль об обожравшемся богаче, который гниет заживо и не дает жить тому, что молодо»¹.

Марксизм-ленинизм всегда исходил из того, что борьба пролетариата за социализм неотделима от борьбы за демократию, ибо только при буржуазной демократии, несмотря на всю ее ограниченность и формальность, пролетариат имеет возможность самоопределиться как самостоятельная политическая сила. Ленинские положения о необходимости борьбы за демократию приобрели особую актуальность и значимость в нашу эпоху, когда монополистический капитал развернул невиданное наступление на демократию. В. И. Ленин писал: «Социалистическая революция не один акт, не одна битва по одному фронту, а целая эпоха обостренных классовых конфликтов, длинный ряд битв по всем фронтам, ...битв, которые могут завершиться лишь экспроприацией буржуазии.... Не может подготовиться к победе над буржуазией пролетариат, не ведущий всесторонней, последовательной и революционной борьбы за демократию»².

Необходимость борьбы за демократию объясняется не только соображениями лучшей и всесторонней подготовки к революции, но и гуманизмом коммунистов, которые борются за облегчение участи пролетариата еще при диктатуре буржуазии, а не мыслят по формуле маоистов — «чем хуже, тем лучше».

В послевоенный период задачи демократической борьбы, являющейся составной частью борьбы за социализм, были поставлены в документах московских Совещаний коммунистических и рабочих партий 1957, 1960 и 1969 годов, в программных документах отдельных коммунистических и рабочих партий, принятых с учетом специфических условий соответствующих стран.

«Коммунистические партии,— сказано в Заявлении Совещания представителей коммунистических и рабочих партий 1960 года,—определяют перспективы и задачи революции в соответствии с конкретными историческими и социальными условиями своих стран и с учетом международной обстановки. Они ведут самоотверженную борьбу за то, чтобы уже в современных условиях сделать все для защиты интересов рабочего класса и народных масс, для улучшения условий их жизни, расширения демократических прав и свобод народа, не откладывая этого до победы социализма. Сознывая, что основная тяжесть борьбы за освобождение своего народа от ига капитала лежит на его плечах, рабочий класс и его революционный авангард будут все энергичнее вести наступление против господства угнетателей и эксплуататоров во всех

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 17.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 253.

областях политической, экономической и идеологической жизни каждой страны. В ходе этой борьбы происходит подготовка масс и создаются условия для решающих битв за свержение капитализма, за победу социалистической революции¹.

Борьба рабочего класса и его союзников за демократию ничего общего не имеет с реформизмом, который считает буржуазную демократию конечным результатом политической эволюции человечества. Рабочий класс, борясь за расширение и развитие демократии при диктатуре буржуазии, сознает ее пороки и борется за замену буржуазной демократии социалистической. Возражая Карлу Каутскому, В. И. Ленин говорил: «...вы должны использовать буржуазную демократию, как громадный исторический прогресс по сравнению с феодализмом, но ни на минуту не забывайте буржуазный характер этой «демократии», ее исторической условности и ограниченности»². Эти ленинские слова, обращенные к рабочим Западной Европы полвека назад, являются единственно правильным руководством для успешной революционной борьбы за демократию во всех областях жизни общества.

Огромный вред общедемократической борьбе пролетариата наносят современные левые оппортунисты. Их желание «ускорить революцию», не считаясь с объективными и субъективными факторами, играет на руку только реакции. Французский теоретик-марксист тов. Жан Сюре-Каналь пишет о леваках следующее: «Одним из проявлений левацкого инфантилизма, выдвигающего свое штерпение в качестве теоретического аргумента, является отрицание им необходимости перехода, необходимости борьбы за демократию как обязательного элемента борьбы за социализм»³. Левые оппортунисты клеветуют на социалистическую демократию, пользуясь теми же аргументами, что и буржуазная пропаганда. Предлагаемые ими модели «демократического социализма» ничего общего не имеют с подлинным социализмом, существующим в СССР и других социалистических странах. В то же время они всячески расхваливают авантюристическую, антисоветскую и фактически проимпериалистическую линию маоистского руководства КНР.

Конкретное содержание общедемократической борьбы зависит от специфических условий соответствующих стран. Однако повсеместно оно включает в себя борьбу за расширение и развитие политических, экономических и личных прав и свобод, за демократизацию избирательного права и избира-

¹ Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм. М., Политиздат, 1961, стр. 70.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 390.

³ «Cahiers du Communisme», juillet—août, 1971, numero 7—8, p. 33.

тельной системы, за расширение муниципальной демократии и использование парламентской трибуны и т.д. Непременным условием успеха общедемократической борьбы является ее массовость, организованность и идеологическая зрелость.

Коммунистические партии выдвигают деловые, конкретные программы борьбы за демократию, что является результатом творческого применения марксистско-ленинской теории.

Общедемократическая борьба в сочетании с другими формами борьбы открывает в эпоху всеобщего перехода к социализму широкие перспективы для трудящихся всех стран. Ярким свидетельством тому является победа блока национального единства на президентских выборах в Чили осенью 1970 года. Генеральный секретарь ЦК Компартии Чили товарищ Луис Корвалан сказал: «Это открывает новый этап в истории Чили, означает крутой поворот в судьбах страны. Родина О'Хиггинса и Рекабаррена встает на путь глубоких революционных преобразований, национального и социального освобождения, подлинной демократии и социализма»¹.

Единый мировой революционный процесс, подрывающий и разрушающий капитализм, включает в себя различные формы революционной, национально-освободительной и общедемократической борьбы. Пролетариат и коммунистические партии каждой страны придают ему черты индивидуальности, применяясь к условиям своих стран. Но для рабочих всех стран путеводным факелом являются ленинские слова: «Все нации придут к социализму, это неизбежно, но все придут не совсем одинаково, каждая внесет своеобразие в ту или иную форму демократии, в ту или иную разновидность диктатуры пролетариата, в тот или иной темп социалистических преобразований разных сторон общественной жизни. Нет ничего более убогого теоретически и более смешного практически, как «во имя исторического материализма» рисовать себе будущее в *этом* отношении одноцветной сероватой краской: это было бы суздальской мазней, не более того»².

Революционная практика человечества подтвердила истинность этого ленинского предвидения.

¹ «Проблемы мира и социализма», 1970, № 12, стр. 3.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 123.

ЛИТЕРАТУРА

Ленин В. И. Государство и революция, Полн. собр. соч., т. 33.

Ленин В. И. Пролетарская революция и ренегат Каутский. Полн. собр. соч., т. 37.

Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., Политиздат, 1971.

Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. М., Политиздат, 1969.

Материалы XXIV съезда КПСС. М., Политиздат, 1971.

Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм. М., Политиздат, 1964.

К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Тезисы Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. М., Политиздат, 1970.

50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Тезисы ЦК КПСС. М., Политиздат, 1967.

О международной деятельности ЦК КПСС после XXIV съезда КПСС. Постановление Пленума ЦК КПСС — «Правда», 24 ноября 1971.

О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик. Постановление ЦК КПСС. М., Политиздат, 1972.

Брежнев Л. И. Решения XXIV съезда КПСС — боевая программа деятельности советских профсоюзов. М., Политиздат, 1972.

* * *

Аптекер Герберт. О природе демократии, свободы и революции. М., «Прогресс», 1970.

Бурлацкий Ф. М. Ленин, государство, политика. М., «Наука», 1970. Раздел 2, Глава третья.

Гулиев В. Е. Демократия и современный империализм. М., «Международные отношения», 1970.

Керимов Д. А., Чехарин Е. М. Социалистическая демократия и современная идеологическая борьба. М., «Юридическая литература», 1970.

Перфильев М. Н., Советская демократия и буржуазная «советология». М., «Юридическая литература», 1971.

Проблемы демократии в современном мире. М., «Международные отношения», 1967, Раздел II.

Современные буржуазные учения о капиталистическом государстве. М., «Наука», 1967.

Туманов В. А. Буржуазная правовая идеология, М., «Наука», 1971, Глава вторая.

Чхиквадзе В. М., Государство, демократия, законность. М., «Юридическая литература», 1967.

Шабад Б. А. Политическая философия современного империализма. Изд. Ин-та международных отношений, 1963, Главы III и V.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Классовая сущность буржуазной демократии	8
Глава II. Кризис буржуазной демократии	28
Глава III. Буржуазная идеология и демократия	44
Глава IV. Несостоятельность антикоммунистической «критики» социалистической демократии	60
Заключение	73

МИШИН АВГУСТ АЛЕКСЕЕВИЧ

Буржуазная демократия и современная идеологическая борьба

РЕДАКТОР М. И. НОВИКОВА

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР Т. И. ДОБРОВОЛЬНОВА

ТЕХНИЧЕСКИЙ РЕДАКТОР А. М. КРАСАВИНА

КОРРЕКТОР С. К. РЕМИЗОВА

А09407. Сдано в набор 13/VI. 1972 г. Подписано к печати 4/IX. 1972 г.
«Формат бумаги 60×90¹/₁₆». Бумага типографская № 1. Бум. л. 2,5.
Печ. л. 5,0. Уч.-изд. л. 5,07. Тираж 20.000 экз. Издательство «Знание».
Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4. Заказ 2279. Типография издатель-
ства «Коммунист». Саратов, пр. Ленина, 94. Цена 16 коп.

16 коп.